

Обман

Адриенна Бэссо

В сетях любви

1995

Бэссо А.

В сетях любви / А. Бэссо — 1995 — (Обман)

Красавица Алиса Каррингтон, дочь виконта Малгрэйва, оставшись после смерти отца без средств, попадает в зависимость от нового владельца поместья Вестгейт-Мэнор. Однако зависимость эта полна соблазна, и читателю предстоит пройти вместе с героями путь нарождающейся и крепнущей страсти, наблюдать разные стадии связавшего их чувства.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Адриенна Бэссо

В сетях любви

*В память о моей матери, Глории де Стефанис Гамбарани;
ей бы очень понравилось это повествование.
А также – отцу моему, Дэйвону, которому оно нравится.*

Глава 1

Гэмпшир, Англия, 1813 г.

Щегольский двухколесный экипаж быстро катил по пыльным колеям проселка, подскакивая на ухабах. Скверная дорога и непрекращающаяся тряска отнюдь не улучшали настроения одинокого возницы. Морган Эдмунд Харкорт Эштон, шестой герцог Джиллингем, хмуро глядя вперед, сосредоточенно правил, придерживая резвую пару гнедых мерингов. Поездка эта не заладилась с самого начала, и теперь, когда вот-вот наступят сумерки, он вынужден был признать, что заблудился.

– Чертов Дэйвон Камерон, – прошептал герцог, кляня своего отсутствующего секретаря. – Мог бы и поподробней описать путь в этих Богом забытых местах.

Принявшись мысленно перебирать весьма ограниченные возможности предпринять что-либо, герцог вдруг заметил, как впереди, справа от дороги, из леса выскочил парнишка со связкой поразительно крупной рыбы, небрежно переброшенной через плечо. Герцог подхлестнул лошадей, чтобы прибавили шагу, и стал неотрывно смотреть на паренька, который уже миновал обочину и пересекал сам тракт. В отчаянии, что упускает единственный шанс разузнать, как добраться до нужного места засветло, герцог, вопреки обыкновению, громко и пронзительно свистнул.

От неожиданного звука парень резко обернулся. Увидев несущихся на него огромных коней, он, чтобы не быть затоптанным, стремглав слетел с дороги. Когда шикарный двухколесный экипаж вдруг притормозил рядом с ним, на его юном лице выразилось изумление.

– Скажи, – закричал герцог, перекрывая голосом храп коней и топот копыт, – я так выведу к дороге Хэмптон-Гейт, что ведет к поместью Вестгейт-Мэнор?!

– Да, милорд, – почтительно ответил парень и, указав вперед, услужливо добавил: – враз за тем поворотом.

Поблагодарив кивком, герцог отпустил натянутые вожжи, дав волю лошадям, и мастерски вписался в поворот. Согласно довольно скудным пояснениям его секретаря – еще четыре мили и он будет у ворот Вестгейт-Мэнора. Позволив себе слегка расслабиться, герцог непридуманно откинулся к спинке сиденья и стал вспоминать все удивительные события последних 24 часов.

Вчерашний день начался неудачно. Морган проснулся позже обычного, в состоянии тяжелейшего похмелья, лишь смутно припоминая происшествия вечера накануне. Отлично помнил, как приехал в свой клуб на Сент-Джеймс-стрит, но не мог восстановить в подробностях, когда и как закончилась та ночь, с чрезмерными возлияниями, игрою в карты до утра и несколькими часами в объятиях примадонны Ковент-Гарден. А день грядущий осложнялся тем, что следовало явиться к регенту,¹ в Карлтон-Хаус,² на неофициальный завтрак, с которого

¹ Регент – (официальный титул: принц-регент) – Георг, принц Уэльский (Наследник престола), управлял государством в 1811–1820 гг в связи с психическим заболеванием своего отца короля Георга III; затем был королем Георгом IV (1820–1830).

² Карлтон-Хаус – резиденция принца-регента в Лондоне.

герцог с превеликой охотой бы отпросился, но понимал, что сделать это невозможно, и оттого настроение его только ухудшилось.

Герцога, с таким трудом прибывшего в Карлтон-Хаус к назначенному времени, заставили еще и ждать, и он в раздражении шелкал каблуками, пока регент, затянутый в новейший и посему наироскошнейший мундир фельдмаршала, не соизволил принять его. Хотя герцог и был слишком молод, чтобы считаться своим среди беспутной знати Карлтон-Хауса, регент благоволил к Моргану, проявляя к нему особое доверие.

Тридцатипятилетний герцог был на 15 лет моложе принца, и все же именно регент зачастую просил у него совета, а не наоборот, особенно по поводу денег. Герцог славился умением делать деньги, регент же был известный транжира, вечно в долгах, и жил далеко не по доходам.

– Леди Хартфорд поведала мне, как ваше позавчерашнее появление у Олмаков взбудоражило всех, – проговорил регент, когда лакей, облаченный в элегантную алую ливрею, подал черепаховый суп. – Ходят слухи, что вы подумываете о новой женитьбе.

Не донеся золотую ложку до рта и одарив регента удивленной улыбкой, герцог ответил:

– Упаси нас Господи, ваше величество, от сватовства леди Хартфорд и от вездесущих покровительниц из рода Олмаков.

– Совершенно верно, Морган, – рассмеявшись, согласился регент. – Стоит им лишь обнаружить неженатого, знатного, красивого да богатого мужчину, так все уж и трепещут. Боюсь, это неискоренимо. Похоже, тут бедняжки не вольны. Должно быть, у них это в самой крови, – принц шумно отхлебнул супа. – Но в данном случае с ними не поспоришь. Ведь вы – превосходная добыча.

– Вы мне льстите, ваше величество, – воскликнул герцог, почувствовав себя действительно неловко от столь откровенного замечания. То, что в светском обществе к нему относились только как к лакомому кусочку, как к одному из самых завидных женихов и неуловимых холостяков, удручало Моргана. Но он больше никогда не женится. Был женат несколько лет назад, брак оказался мучительно унылой неудачей, и он ни за что не попадет опять впросак.

– Ваше величество, низжайше прошу сменить тему. Иначе, кажется, я скоро потеряю аппетит к этому чудному блюду.

Регент, чье несчастливое супружество с принцессой Шарлоттой было бедствием во всех отношениях, с готовностью уступил.

– Хочу рассказать вам о новых полотнах голландской живописи, которые мы вместе с леди Хартфорд отобрали для моей коллекции.

Вздохнув с облегчением, герцог вежливо слушал, как регент увлеченно говорил о своих недавних приобретениях произведений искусства.

Покончили с завтраком, посмотрели голландские картины и повосхищались ими, и герцог наконец смог удалиться. Поджидая у Карлтон-Хауса карету, которой надлежало отвезти его, герцог глубоко вдыхал свежий, холодный воздух, пытаясь избавиться от дурмана в голове и зарекаясь впредь проводить ночи так, как предыдущую.

– Староват становлюсь для подобных дел, – забормотал Морган, взбираясь в карету. Однако увидев, что там кто-то уже есть, быстро взял себя в руки.

– Что за черт! – воскликнул он с досадой, ощутив, как две мощные длани насильно втягивают его внутрь. Чтоб не упасть ничком на пол кареты, Морган невольно вытянул руки перед собою. Дверь за ним стремительно закрылась, и, спустя буквально секунды, – он успел лишь разогнуться – экипаж тронулся.

– Пожалуйста, простите, ваша светлость, за столь необычные условия, – тихо проговорил из дальнего угла кареты человек, черты которого невозможно было различить во мраке. – Но нашу встречу надобно сохранить втайне.

– Лорд Каслрей? – осведомился с изумлением герцог, узнав, казалось, незнакомца по голосу, но сам себе не веря, ибо невозможно было и предположить, что такая важная государственная персона – министр иностранных дел – может действовать так несуразно.

– Весьма тронут, – последовал ответ, и, поклонившись, в узкую полоску света, проникавшего из – за неплотно задвинутой шторки, попал лорд Каслрей. – Еще раз приношу извинения за мою необходимость, но в последние дни на случайное общение нам с вами не везло.

Герцог затряс в недоумении головой:

– Разве не вас вчера я видел в Уайтсе³ лондонский клуб консерваторов).

– Значит, помните! Я было счел, что выглядите вы вполне сносно, но тут мне доложили, что вы пьете уж невесть который час подряд.

– Как-то вышло из-под контроля, – признался покаянно герцог. – Отмечали состоявшуюся на днях помолвку моего брата Тристана.

– Примите поздравления.

Помолчав немного, лорд Каслрей продолжал:

– Прежде всего должен уведомить вас, что я здесь по непосредственному указанию премьер – министра. Мы с лордом Ливерпулом долго обсуждали это дело и пришли к обоюдному решению, что вы не только имеете право знать обо всем, но и вполне можете оказаться способным помочь нам раскрыть истину.

Выдержав для большего эффекта драматическую паузу, лорд Каслрей мрачно заявил:

– Из последних донесений нашей разведки явствует, что вы, сэр, свои обширные владения используете для помощи императору Наполеону.

– Что?! Я понимаю, вся страна сошла с ума из-за этой проклятой войны с Францией, но подобное обвинение абсолютно абсурдно!

Порадовавшись про себя реакции герцога, лорд Каслрей поднял руку, прерывая словоизлияния Моргана:

– Всяческих несоответствий мы раскрыли предостаточно, чтобы усвоить, что на вас, ваша светлость, преднамеренно сваливают вину. Тем не менее, свидетельства против вас весомы и требуют расследования. Ситуация стремительно обостряется и превращается в основную заботу министерства обороны. В течение уже почти двух месяцев информация первостепенной важности исходит из Англии и поступает в нее через французскую шпионскую сеть, у которой высадка и возвращение нарочных налажены на частном побережье у замка Рэмзгейт-Касл, близ Портсмута.

– Это же мой берег!

– Именно так.

Лицо герцога исказилось от неприязни.

– Мне трудно поверить, лорд Каслрей, что мои люди якшаются с французскими шпионами; ведь почти все в Рэмзгейт-Касле – выходцы из семейств, многими поколениями верно служивших моему роду.

– Кроме сфабрикованных против вас лично, у нас нет конкретных данных, что непосредственно замешан кто-либо из поместья. Однако ясно, что некто, весьма осведомленный о всех делах в ваших угодьях, помогает там шпионам. И тем вовлекает вас.

Вжавшись в сиденье, герцог непроизвольно забарабанил пальцами по подлокотникам.

– Не знаю, кто бы это мог быть; по-моему, все – явно вне подозрений.

– Так же считают и в министерстве обороны; трудность именно в этом. Определенно известно одно – всем заправляет там некая личность по прозвищу Сокол. Казалось бы, нам удалось внедриться в эту организацию, но, к сожалению, три дня назад в одном из лондонских борделей нашли труп нашего информатора.

³ Уайтс – старейший, основан в 1693 г.

Герцог вздрогнул:

– В Рэмзгейте сейчас моя бабушка, вдовствующая герцогиня. Она в опасности?

– Не думаю, что именно самой вдовствующей герцогине что-либо угрожает, но было бы разумнее перевезти ее куда-нибудь, пусть поживет в другом месте, пока все не уладится.

– Вижу, вы не знакомы с моей бабушкой, – сухо заметил герцог.

Вдовствующая герцогиня – не та женщина, которую можно «перевезти куда-нибудь».

Морган сильно сомневался, что когда-либо кто-либо мог руководить ее поступками.

Имея в виду шпионскую проблему, Морган спросил прямо:

– Что надо сделать, лорд Каслрей?

Министр иностранных дел внимательно посмотрел на мужчину, сидящего напротив. Он не был близко знаком с герцогом, которому, однако, премьер-министр выражал полное доверие и на способности которого возлагал большие надежды.

– Разработан план операции по разоблачению Сокола. Согласны помочь нам?

Морган не колебался ни мгновенья:

– Когда приступим?

Экипаж резко дернулся, попав в глубокую выбоину, и его скрежет вернул герцога в настоящее. Он с облегчением обнаружил, что удачно добрался до въезда в Вестгейт-Мэнор. В полной тишине он ехал по посыпанной песком дорожке. Осадив ретивых гнедых у каменного портика, стал ждать, когда из дому выйдет слуга и предложит помощь. Он отправился без своих слуг, так как его секретарь, Джейсон Камерон, приболел, а Морган не желал, чтобы кто-то еще из его челяди был в курсе его отлучек.

Тем прохладным февральским вечером Моргана в Вестгейт-Мэнор привела череда довольно необычных обстоятельств. В начале прошлой недели лорд Каррингтон, виконт Малгрэйв, устроил настоящий переполох в Уайтсе, встав во весь рост на столе в обеденном зале.

– Внимание, джентльмены! – выкрикнул лорд Каррингтон. – Прямо сейчас я намерен продать мое поместье Вестгейт-Мэнор тому, кто предложит наивысшую цену. Это великолепное владение расположено в графстве Гэмшир. Я выставляю на продажу усадебный дом с обстановкой и содержимым и все прилегающие угодья. Кто отважится предложить первую цену?

Убедившись, что лорд Каррингтон не пьян и говорит вполне серьезно, Морган принял участие в импровизированном аукционе и по завершении страстных торгов оказался новым владельцем Вестгейт-Мэнора. Не глядя приняв расписку Моргана, обрадованный виконт Малгрэйв вернулся к игорным столам.

Морган больше и не думал об этом поместье до тех пор, пока его секретарь не оформил на днях права на владение. Затем, в приливе чувств, Морган решил сделать остановку в Вестгейт-Мэноре по пути к Рэмзгейт-Каслу. Сидя теперь в одиночестве на холодном, пронизывающем ветру, он пожалел о том приливе.

Постучав энергично ногами по полу экипажа, чтобы согреться, он оглядел свое приобретение. Дом был хорош: большой, но не громоздкий. Симметричные эркеры со стеклами в свинцовой оправе, резные столбы на углах и высокие фронтоны свидетельствовали о строительстве в елизаветинскую эпоху. Некогда это было весьма впечатляющее здание, но облупившаяся кое-где краска и шербины в кирпичной кладке удостоверяли, что продолжительное время оно пребывало в небрежении.

Морган и не удивлялся. Джереми Каррингтон не производил впечатление человека, склонного тратить деньги на поддержание поместья. Но вообще дом оказался в лучшем состоянии, чем предполагал Морган.

– Чертовски не везет, – пробормотал Морган, теряя терпение из-за того, что слуги все не появлялись.

Он был готов уже, забыв о благородстве, закричать, лишь бы привлечь к себе внимание, когда массивная дубовая дверь, скрипнув, отворилась. И Морган узрел весьма престарелого человека, зашагавшего вниз по трем каменным ступеням у фасада размеренной, достойной походкой. По форменному сюртуку и чопорной манере держаться Морган угадал, что перед ним дворецкий.

– Позвольте помочь вам, милорд? – бесстрастно спросил старик.

Герцог воззрился на него холодным взглядом, но стойкий дворецкий спокойно выдержал его. Удивленно хмыкнув, герцог ловко выпрыгнул из экипажа и бросил вожжи дворецкому, лицо которого застыло, будто камень.

– Соблаговолите доложить виконту Малгрэйву о прибытии герцога Джиллингема, – распорядился Морган. – И пришлите кого-нибудь присмотреть за моими лошадьми.

Дворецкий понимающе наклонил снежно-белую голову, умело перекинул поводья в одну руку, а другую, в белой перчатке, чуть-чуть приподнял. Как по волшебству из-за высокой ограды появился молодой человек и увел лошадей вместе с экипажем. Избавившись от вожжей, дворецкий неспешно поднялся по ступеням и предупредительно отворил дверь перед герцогом.

В холле при входе Морган пробыл лишь какие-то мгновенья – дворецкий принял у него шляпу, перчатки и пальто. Затем его молча провели в переднюю гостиную, налили бренди в великолепный бокал и оставили наедине со своими думами.

Алиса Каррингтон, сжимая ладонями чашку остывшего чая, сидела, отрешенно откинувшись к высокой спинке деревянного кресла. Уже дважды за последние полчаса она пыталась насладиться ароматом свежего чая, но каждый раз ей мешали, отвлекая делами поместья. И теперь она, рассеянно потягивая это тепловатое пойло и почти не прислушиваясь к миссис Стрэттон, пересказывавшей местные сплетни, мечтала лишь о нескольких минутах покоя.

– Леди Алиса, вы почти не притронулись к яблочному пирогу, – пожурила ее миссис Стрэттон строгим тоном. – А я ведь испекла его, как вы любите, с корицей.

– Выглядит восхитительно, – сразу же отреагировала Алиса, надеясь таким образом избежать пространных рассуждений о том, что ей надо есть побольше, потому что она слишком худая. И отломив кусочек, принялась бодро жевать.

Удовлетворенная тем, что хозяйка прислушивается к ее пожеланиям, миссис Стрэттон обратилась к большой кастрюле, булькавшей на плите. Проворно нашинковав лук и морковь, бросила их в бульон. Пикантный аромат разлился в воздухе, в кухне стало уютно и как-то по-особенному тепло, словно независимо от жара, излучаемого чугуновой плитой.

Алиса прикрыла глаза и отрешилась, впитывая это тепло от кухонных хлопот. В любой день, даже загруженный, она старалась провести здесь хотя бы часок; порою – чтобы вырваться из бесконечного потока трудностей, связанных с ведением хозяйства в Вестгейт-Мэноре, но чаще – просто потому, что любила эту мирную обстановку.

От миссис Стрэттон всегда можно было услышать самые последние сплетни из ближних поместий, и хотя Алиса никогда этого не поощряла, ей было весьма любопытно знать все о странной той аристократии, из чьего общества она была практически исключена. Многие годы Алису волновало мнение соседей о ее необычном образе жизни, но прослышав о дерзких, а порою и шокирующих, выходках местных дворян, она усомнилась в том, что ее оригинальность очень их интересует.

Отец, виконт Малгрэйв, не выносивший сельской жизни, обрелся в Лондоне, все больше в клубах да игорных домах, оставив дочь еще малышкой, когда умерла ее мать, на попечении слуг и сменявшихся одна за другую гувернанток. Из-за такого, далеко не традиционного, воспитания она нередко чувствовала себя покинутой, однако не несчастной. Дворовые вскоре всем сердцем привязались к невеселой девочке, и Алиса росла, окруженная любовью.

Когда она повзрослела настолько, чтобы быть представленной в обществе, ее отец уже так погряз в долгах, что не мог и помыслить о чрезмерных расходах, связанных с выходом девушки в лондонский свет. В результате всего, оставшись к своим двадцати четырем годам незамужней и без единого претендента на руку и сердце, Алиса смирилась с уготованной ей участью старой девы. Она и виду не подавала, что огорчена этим, ибо ее намного сильнее волновали гораздо более серьезные, нежели замужество, задачи по управлению поместьем.

Эти малопривлекательные для молодой женщины обязанности Алиса исполняла, никогда не уклоняясь. Не колеблясь, просила помощи у тех, на кого могла положиться, кто поколениями жил и трудился на арендуемых фермах. С годами ее знания росли, и в итоге она превзошла своих учителей. Под ее руководством поместье стало процветать, и арендаторы, настроенные поначалу скептически, теперь, отдавая должное присущему ей верному чувству земли и земледельца, души в ней не чаяли.

Хотя бремя забот порою и становилось почти непосильным, Алиса, ощущая себя опытной и нужной, в общем была довольна. Настроение омрачалось – словно тучи сгущались – лишь от неожиданных наездов отца. А приезжал лорд Каррингтон всегда ради денег, при этом много пил, оскорблял слуг и досаждал всем. К счастью, визиты его были непродолжительны и редки.

Куснув еще разок отменного яблочного пирога, Алиса вдруг в дверях увидела дворецкого Перкинза. И сразу же заметила парадный сюртук и перчатки.

И кусочек сдобы упал будто камень, в желудок. Ведь Перкинз надевает свою форму, только когда в поместье объявляется кто-то чужой. А чужие приезжают, чтобы получить по карточным долгам. Узрев сокрушение на ее лице, Перкинз произнес:

– Он в передней гостиной, леди Алиса. Миссис Стрэттон резко обернулась и бросила обеспокоенный взгляд на Алису. В повисшей напряженности Алиса горестно подумала: «Опять все то же, как всегда».

– Джентльмен сообщил свое имя? – спросила она, поднимаясь неспешно из кресла.

– Назвался герцогом Джиллингемом. Герцог! Весть на мгновение ее ошеломила.

Очень странно. Только вовсе отчаявшиеся заявлялись сами, большинство же присылало своих секретарей или адвокатов, дабы получить по векселям, что раздавал Джереми Каррингтон, когда у него не хватало денег делать ставки, а он не желал уходить из-за игорного стола. Она про себя взмолилась, чтобы на сей раз причина появления незнакомца оказалась иной, менее дорогостоящей.

– По-вашему, он в самом деле герцог? – спросила Алиса, доверяя мнению Перкинза.

Подумав немного, Перкинз ответил:

– Одет богато и высокомерен, как герцог. Дал понять, что его здесь ждут, хотя прибыл один, без слуг.

«Странно», – опять подумала Алиса.

– Спасибо, Перкинз. Я сейчас же приму этого герцога.

И, понуро пройдя по кухне, Алиса пошла вслед за дворецким к передней гостиной. Помедлив у входа, она с трудом подавила в себе порыв развернуться и убежать. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить нервы, она легонько кивнула, и Перкинз отворил дверь.

Войдя бесшумно, Алиса замерла в дверном проеме и оставалась незамеченной, пока не раздался звук закрываемой двери. Герцог обнадеженно обернулся. Но на лице его мелькнуло изумление и лишь затем застыл немой вопрос.

Окинув его внимательным взглядом, Алиса чуть не ахнула вслух. Пред нею предстал настоящий мужчина, ни на кого из прежде виденных не похожий настолько, что она и вообразить себе такого не могла. Словно сама мужественность заполнила комнату, и Алиса, невольно приковавшись взором к лицу цвета бронзы, залюбовалась его отточенными чертами.

Герцог был высоким, крепко сложенным, с широкими плечами и мускулистыми ногами. На нем был безупречный синевато-серый двубортный приталенный кафтан – поверх белой сорочки, в обтяжку, с высоким воротом, украшенной безукоризненно повязанным галстуком. Бежевые бриджи из оленьей кожи, плотно облежавшие ноги, были умело заправлены в начищенные черные высокие – до колен – сапоги. Кончики коротко подстриженных агатово-черных волос слегка курчавились. Он сделал несколько шагов к Алисе, и она попала в плен его гипнотических серебристо-серых глаз.

«Прекрасен», – эхом пронеслось в мозгу Алисы. Он несомненно был прекрасен. Явно – гораздо более высокого пошиба, чем все, с кем общался ее отец. И Алиса поняла, что ошиблась насчет причины его приезда в Вестгейт-Мэнор.

С трудом выйдя из восторженного оцепенения, она проговорила:

– Добрый день, ваша светлость. Вижу, Перкинз уже позаботился, чтобы вы несколько освежились, – и она вежливо кивнула на полупустой бокал бренди в его руке. – Чего еще изволите желать?

– Я ожидал увидеть виконта Малгрэйва, – ответил в замешательстве герцог. – Но если ему недосуг, то можно пригласить управляющего именем.

У Алисе упало сердце: если этот красавец хочет видеть управляющего, значит, дело в карточном долге. Издав невольно звук разочарования, но заметив, что герцог смотрит на нее пристально, она сразу же вся подобралась.

– Следуйте, пожалуйста, за мной.

Круто развернувшись, Алиса с царственной надменностью вышла из гостиной, намереваясь поскорее покончить с неприятностью. Герцог успел лишь вздохнуть, а она уж исчезла.

– Что, черт возьми, происходит? – возопил, взъярившись, герцог и, со звоном поставив бокал на каминную полку, бросился вдогонку за Алисой.

В несколько широких шагов он пересек входной холл и настиг Алису у массивных, богато отделанных дверей большой гостиной. Демонстративно распахнув их створки, она решительно пошла по залу, не оглянувшись ни разу, чтоб хотя бы узнать, идет ли за нею герцог.

Подойдя к секретеру красного дерева с обитой кожей столешницей, Алиса достала из него приходно-расходный гроссбух и круглые очки в золотой оправе. Водрузив очки на кончик носа, она произнесла холодным тоном:

– Покончим с этим как можно быстрее, ваша светлость?

Герцог застыл в дверях, внимательно рассматривая зал и не веря собственным глазам. Поток лучей заходящего солнца лился из окон с раздвинутыми гардинами, нанося позолоту на все вещи в зале. Вид был поразительный. Длинные деревянные столы, придвинутые к стене, вплотную один за другим, были заставлены золотой, серебряной и бронзовой посудой. В центре зала размещалось шесть рядов специальных столов с великолепными произведениями изобразительного искусства прошедших столетий, собранными со всего света. Причудливые китайские вазы располагались на одном столе, а византийские чаши раннего периода – на другом.

Скульптурные изображения из венецианского стекла соседствовали с хрустальными кубками и фарфоровыми статуэтками. В одном углу стояла большая антикварная горка с эффектной коллекцией изделий из нефрита. Все стены были увешаны неисчислимым множеством картин различных художников – от представителей Итальянского Возрождения до голландцев семнадцатого века. Даже наиболее богато украшенные покои регента в Карлтон-Хаусе поблекли, казалось, перед сокровищами этого зала.

Алиса внимательно наблюдала за поведением герцога. Наконец он обратил к ней взор, полный вопроса, чем и удивил ее. Попав впервые в это помещение, каждый реагировал по-своему, но Алиса по опыту знала: если на лице пришельца сначала обозначится благоговение, то потом непременно проступит алчность. Озадаченная Алиса обратилась к герцогу:

– Насколько я понимаю, вы приехали в Вестгейт-Мэнор, чтобы получить долг от виконта Малгрэйва, или я не права?

Морган настойчиво посмотрел ей в глаза, терпение его иссякло:

– Мадам, если вы питаете хоть какую-то надежду сохранить свое место в этом доме, то вы должны немедленно привести сюда виконта или его управляющего или еще какое-либо доверенное лицо, с которым я мог бы заняться моим делом, – произнес он суровым тоном.

– Я, ваша светлость, управляю имением, – ответила Алиса не менее резко.

– И кто же вы такая, черт возьми?! – выкрикнул он.

– Алиса Каррингтон, – ответила она, тоже повысив голос.

– Его жена?

– Дочь его, – уточнила она.

Ответ потряс его. Одетая, как служанка. Нет, даже хуже. Изумленный, он окинул ее критическим взором, придирчиво оценивая все в ее облике. Высокая, выше большинства знакомых ему женщин; держится прямо, даже излишне – почти статично. Лицо сухощавое, высокие скулы, прямой четкий нос, рот не маленький и губы полные. Белолица, с чуть розоватым оттенком на щеках. Но особенно привлекали ее глаза. Даже сквозь линзы ее очков он рассмотрел, что они миндалевидной формы, темно-зеленые, с густой опушкой длинных черных ресниц. Эти глаза придавали ей какой-то нездешний, почти таинственный вид.

Волосы стянуты на затылке, и это ей совсем не идет, и сделано так бестолково, что трудно определить их цвет. Одетая в тускло-коричневое платье, покроя очень простого и безнадежно отставшего от моды. Оно слишком свободно, недостаточно длинно и совершенно скрывает фигуру. Но ее лицо невольно притягивало внимание Моргана. Оно не было красиво в привычном смысле, но от его классических черт веяло духом уверенности и утонченности, что его весьма заинтриговало.

– А я и не знал, что кто-то из семьи Джереми Каррингтона живет в Вестгейт-Мэноре.

– Вот, живет, – и Алиса бросила на герцога испепеляющий взгляд.

Он его игнорировал.

– И вы, леди Каррингтон, управляете имением?

– Мисс Каррингтон, – поправила она натянутым тоном.

– Прошу прощения, кто?

– Моя мать была леди Каррингтон. Я же предпочитаю, чтобы ко мне обращались «мисс Каррингтон».

– Хорошо, мисс Каррингтон, – глухо зарокотал герцог, отчетливо выговаривая каждый слог. – Вы управляете поместьем?

– Да, именно я.

– В таком случае, позвольте поинтересоваться, что же это такое? – саркастически проговорил Морган и широким жестом руки повел вокруг себя. – Ваш личный кабинет, где вы вершите дела имения?

– Не все, – ответила Алиса с нескрываемым вызовом в голосе и твердой решимостью в зеленых выразительных глазах.

Она видела, что он едва сдерживает раздражение, и тем не менее ничего не добавила. Сознавала, что это неучтиво, но ей было искренне все равно. В конце концов, и герцог ведь не объяснил причины своего столь внезапного и не оговоренного заранее визита, хотя она и без того прекрасно знала, зачем он здесь. С чувством правоты она продолжала выдерживать свою линию.

– Давайте сначала, мисс Каррингтон, – мягко, но настойчиво предложил герцог.

– С начала чего, ваша светлость?

От этого вопроса герцог мгновенно оказался у секретера. По тому, как гневно потемнели его глаза. Алиса поняла, что далеко зашла.

– Не играйте со мной, мисс Каррингтон, я не расположен к этому, – произнес он тихо, но с затаенной угрозой в голосе.

Самоуверенности ее поубавилось еще больше, когда он в подтверждение своих слов угрожающе навис над столом. Она ощутила жар его дыхания на своем лице. Сердце ее бешено забилося, и она сообразила, что лучше уступить и объяснить ему все.

– Лорда Каррингтона, как вам теперь ясно, в данный момент здесь нет. А в его отсутствие я беру на себя ответственность за все... м-м-м... дела такого рода. Полагаю, он вам задолжал?

Герцог еще больше нахмурился, и Алиса поспешила закончить:

– Я систематизировала все, что находится в этом зале, и составила опись. Как видите, вещи здесь – весьма ценные, а некоторые – просто бесценны. Вы можете выбрать какую-либо или какие – либо из них в соответствии с суммой, одолженной вами лорду Каррингтону. Если же вы предпочитаете получить в звонкой монете, то я почтительно прошу вас предоставить мне двадцать четыре часа, чтобы я смогла добыть необходимые деньги. Позвольте узнать – сколь велик этот долг?

– Великолепно отрететированная речь. Могу лишь догадаться, что вы ее уже произносили.

Алиса бросила на Моргана суровый взгляд, но решила не отвечать на его колкость.

– Можно увидеть вексель, ваша светлость? На какой-то миг Морган испытал искушение предъявить ей купчую, но не смог поступить так безжалостно. Было очевидно, что Алиса Каррингтон и представления не имела о том, что натворил ее отец. Поразмыслив, он глянул на нее опять и был внезапно поражен всей нелепостью ее вида в этом линиялом балахоне на фоне сверкающей роскоши зала.

– Вам что-то непонятно, ваша светлость? «Нет, – подумал он, – вполне все понятно».

Придя, как всегда, к выводу, что сообщать и получать дурные вести лучше не окольным путем, Морган сказал:

– К сожалению, я оказался здесь, чтобы известить вас, мисс Каррингтон, что отныне я – владелец Вестгейт-Мэнора.

Глава 2

Поблуднев так, что лицо обесцветилось, потрясенная Алиса уставилась на Моргана. С трудом проглотив застрявший в горле комок, она тихо повторила:

– Можно увидеть вексель?

Морган достал из нагрудного кармана акт на владение и молча подал. Внимательно поглядев на нее, не выяснил, чего следует ожидать. Из обширного опыта общения с женщинами он усвоил, что они очень впечатлительны. В критический момент либо падают в обморок, либо раздражаются истерикой.

Алиса Каррингтон не сделала ни того, ни другого. Твердой рукою она приняла документ и прочитала его о конца. Обо всем – усадьбе, доме со всем содержимым, конюшнях, скотных дворах, хлевах, арендуемых фермах и всех прилегающих земельных угодьях.

Подняв смущенный взор на герцога, она вновь высказала свое требование:

– Ваша светлость, я желаю видеть расписку лорда Каррингтона, а не ваши права на собственность.

И Морган понял.

– Мисс Каррингтон, я не выигрывал это имение в карты. Я купил его на аукционе.

– На аукционе? Я не читала об этом в газетах. Ощувив неловкость, герцог переступил с ноги на ногу. Ее скрытая боль породила в нем чувство вины.

– Не думаю, чтобы об этом была публикация.

– Понятно, – рассеянно заметила Алиса. – Позвольте осмелиться узнать, сколько же вы заплатили?

Герцог неохотно назвал сумму, показавшуюся Алисе более чем достаточной. Она медленно наклонила голову, отчаянно стараясь осмыслить новость. В глубине души она всегда предчувствовала, что день такой наступит, но это не смягчило удара. Какое-то теплое оцепенение стало разливаться по телу, и она, уступая, поддалась ему. Откуда-то издали услышала красивый низкий голос:

– Что с вами, мисс Каррингтон?

Взглянув вверх, увидела обеспокоенное выражение на красивом лице герцога.

– Со мной все в порядке, – медленно проговорила Алиса, и собственный голос показался ей странно далеким. Затем, издав пронзительный смешок, сказала: – Как понимаю, это означает, что вы остаетесь обедать. Надо сказать миссис Стрэттон.

Алиса неторопливо сняла очки, сложила бумаги на столе и только после этого направилась к дверям гостиной. Дойдя до них, она распрямилась, расправила плечи и повернулась, став лицом к герцогу:

– Перкинз проводит вас в ваши покои и поможет во всем, что вам понадобится, – на слове «ваши» она было запнулась, но справилась. – Извините меня, но я должна переговорить с кухаркой.

Увидимся за обедом, – и, сделав глубокий реверанс, вышла.

Сразу же появился Перкинз, и у Моргана создалось впечатление, что тот подслушивал за дверьми. Хватило одного взгляда на страдальческое выражение лица дворецкого, дабы удостовериться, что так и было.

– Ну, ведите, Перкинз, – чеканя каждое слово, заговорил Морган, – и непременно захватите с собою полный графинчик бренди. – Он чувствовал, что именно это ему понадобится, пока не минует грядущая ночь.

Алиса сразу направилась в кухню, чтобы поговорить с миссис Стрэттон. Необходимо распорядиться насчет обеда, но еще важнее сообщить всем ужасающие новости.

Когда она вошла, все уже приступили к вечерней трапезе. Хокинз, садовник, нарезал большой каравай хлеба, горничные Люси и Молли, наполняли стаканы и расставляли на столе тарелки с пищей. Нед, парень, на котором лежала забота о конях герцога, отчаянно приставал к служанкам, заставляя их уворачиваться и хихикать. Мейвис, старая няня, вырастившая Алису, а до нее и мать Алисы, бранила Неда, требуя не докучать девицам, от чего тот еще пуще усердствовал. Миссис Стрэттон разливала по тарелкам суп, черпая из большой супницы, и управляла всеми, перекрывая своими возгласами оживленный гомон.

Алиса остановилась и помедлила, упиваясь знакомыми звуками, запахами, видом. Эти люди и составляли ее семью, другой у нее не было, и теперь им предстояло разлучиться. К глазам подступили слезы, и все тело сковало от осознания чудовищности того, что натворил отец. Сердце забилося с такою силой, будто из груди поднялось в горло, и ее охватило чувство полной безнадежности.

«Будь сильной!» – приказала себе Алиса. Справившись со слезами, громко кашлянула, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. Тщательно подбирая слова, выговорила:

– Герцог Джиллингем сообщил мне, что Вестгейт-Мэнор теперь принадлежит ему.

Миссис Стрэттон охнула и чуть не уронила тарелку с горячим супом на колени Неду. Молли заскулила. Остальные молчали.

– Для всех нас это ужасный удар, но герцог кажется порядочным человеком, и до моего отъезда я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы смогли остаться здесь. Миссис Стрэттон, через час вы сможете подать обед?

Онемевшая от горя миссис Стрэттон кивнула.

– Я попрошу Перкинза сервировать стол в столовой. Нед пусть поможет ему.

Алиса обвела лица слуг обеспокоенным взглядом. Мысли и чувства теснились в душе, но никак не удавалось подобрать подходящую фразу. Наконец она тихо прошептала:

– Я буду очень скучать по вам.

Произнеся это, Алиса стремительно вышла, а они оторопело смотрели друг на друга в нагрянувшей тишине.

Алиса уже ждала в столовой, когда появился герцог. Им предложили места за столом, и обед начался. Моргану показалось странным, что его посадили во главе стола, но он промолчал. Алиса села по правую руку от него, такая интимность их расположения за столом его удивила, но не раздосадовала.

Он отметил, что на ней другое платье, сероватого тона, более приглядного, чем жуткий коричневый, но скроено так же нелепо. Поймав себя на том, что интересуется, какую фигуру скрывает этот балахон, он подивился ходу своих мыслей.

После смерти жены отношения его с женщинами носили характер краткой, удовлетворяющей обе стороны связи, редко длившейся больше двух-трех месяцев. Красивый, знатный и богатый, с репутацией щедрого любовника, Морган пленял восторженное воображение женщин сверх меры.

Некоторых женщин отпугивали его надменные манеры, но большинство находили его очаровательным, и их так неодолимо влекло к нему, что они ни перед чем не останавливались, чтобы завладеть его вниманием. Их домогательства он считал излишне лестными, а порою – забавными. Однако он не проявлял никакого интереса к даме до тех пор, пока она не давала совершенно ясно понять, что благосклонно примет его ухаживания. Так было до сих пор.

Пока Перкинз подавал суп, Морган испытующе осматривал столовую. Вечерний мрак отступил перед мягким сиянием множества свечей, умело расставленных на обеденном столе и буфете красного дерева. Подозревая, что в неярком свете свечей не видны многие огрехи, Морган все-таки сумел углядеть, что выцветшие обои местами были светлее, там, где прежде, вероятно, висели картины или иные настенные украшения.

Нарочитая пустота комнаты подчеркивала огромные размеры стола со светло-кремовыми фарфоровыми блюдами, изящными приборами с золотой и серебряной филигранью и узкими хрустальными бокалами. Герцог ухмыльнулся, представив себе, как весьма почтенный Перкинз таскал все это из гостиной, дабы красиво сервировать это застолье. И усомнился, что Алиса часто обедает так.

Перкинз обслуживал уверенно и величаво, а молодой человек, помогавший ему, то и дело сбивался. Пища была простой, но удивительно вкусной. На первое – пряный рассольник на курином бульоне, на второе – запеченная утка с жареным молодым картофелем и свежими овощами, на десерт – грушевый торт. Морган ел с аппетитом, а Алиса, как он заметил, лишь ковыряла еду на тарелке.

Застольная беседа ограничивалась испытанными светскими темами – о прекрасно приготовленной пище да о погоде. Убрав остатки последнего блюда и поставив на стол несколько бутылок так, чтобы было легко дотянуться, Перкинз спросил:

– Надо ли еще чего-нибудь, ваша светлость?

– Нет, Перкинз. Передайте, пожалуйста, мою благодарность кухарке, – ответил герцог и жестом отпустил дворецкого. Он отметил как Перкинз нерешительно замер и вышел лишь после кивка Алисы.

– Хересу, мисс Каррингтон? – вежливо спросил герцог и, когда она согласилась, наполнил ее бокал. Так непривычно было эту традиционную послеобеденную выпивку делить с дамой. Обычай предписывал женщинам удаляться после трапезы, оставляя мужчин с их бренди и сигарами. Мимолетная улыбка тронула его губы. Ничто в Алисе Каррингтон и Вестгейт-Мэноре и отдаленно не напоминало о строгом светском регламенте, к которому Морган был приучен.

– Я рада, ваша светлость, что вам понравился обед, – сказала Алиса. – Миссис Стрэттон очень переживала, что у нее мало времени. Увидите – она прекрасно справляется, да и все, кто здесь служит, тоже.

Черная бровь приподнялась над серебристо-серым глазом. Морган расслышал в ее голосе тревогу и мгновенно насторожился. До сей поры Алисе удавалось сдерживаться, глубоко упрямая чувства, но Морган был убежден, что в конце концов ей изменит ее железная выдержка.

– Могли бы сказать, мисс Каррингтон, почему здесь нет вашего отца? – спросил Морган, нарочно меняя тему.

Пытливо глянув на него, Алиса ответила:

– Лорд Каррингтон редко бывает в поместье. Он никогда не любил сельской жизни и предпочитает ей разнообразные увеселения в Лондоне.

– Он не предупреждал вас о моем предстоящем приезде?

– Вряд ли он мог, – ответила Алиса с натянутой улыбкой. – Наверное, ему не хватило времени.

– Вздор, – произнес герцог, тряхнув головой. – Прошла почти неделя после того, как лорд Каррингтон переписал владение на меня.

– Так много, – сухо заметила она. – И вас, ваша светлость, конечно, сильно стесняло, что пришлось так долго ждать.

Морган скосил на нее холодный взгляд, но придержал язык. Редко кто, особенно из женщин, отваживался проявлять свое раздражение его действиями. На большинство слишком сильно влияли его титул и богатство. Очевидно, Алиса была из более крепкой породы.

– А вы, мисс Каррингтон, тоже отдаете предпочтение лондонским развлечениям?

Испугавшись, что герцог посмеивается над ней, Алиса резко обернулась к нему, но его красивое лицо показалось ей искренним.

Вызывающе вздернув подбородок, она произнесла:

– Я никогда не была в Лондоне.

Его серые глаза сузились от изумления. Она внезапно показалась ему очень ранимой и одинокой. И Моргану вдруг захотелось узнать, какой же образ жизни она ведет.

– Не стоит роптать, – сочувственно проговорил герцог. – Вся эта светская суета в Лондоне зачастую и меня весьма утомляет, а большинство личностей там вообще не достойно знакомства.

Алиса вымученно улыбнулась:

– Смею заверить вас, сэр, что я вряд ли принадлежу к тому типу женщин, что ропщут из-за таких пустяков, как светская жизнь Лондона, – вывернулась она остроумно и с оттенком сарказма.

Ее искренность ободрила их. Ощувив необъяснимую тягу к пламени, вспыхнувшему в глубине зеленых очей, Морган мягко спросил:

– А что из развлечений любите вы, мисс Каррингтон?

– Езду верхом, – с готовностью ответила она. – Очень люблю бывать на свежем воздухе. Вечером можно отдохнуть за шитьем, легкое чтение всегда доставляет наслаждение, хотя у меня редко бывает свободное время, чтобы побродить по аллеям моих личных склонностей.

– Вы управляете имением совсем одна?

– Я нанимаю мало слуг, – призналась Алиса. – Одной мне работается лучше, и лорд Каррингтон не возражает.

– Лорд Каррингтон... Почему всегда так официально вы упоминаете вашего отца?

Алиса в недоумении возрилась на герцога:

– Никогда не думаю о нем иначе. Для меня он был лордом Каррингтоном всегда, даже в раннем детстве.

Морган подивился такой отстраненности отца, требовавшего подобной формальности от маленькой девочки.

– Наверное, стремился дать вам благородное воспитание. Вам едва ли не хватает чего-то из общепринятых добродетелей.

– Да, я не пью супа с края тарелки, не ем руками, – засмеявшись, согласилась Алиса. – Моя няня, Мейвис, приобщила меня к цивилизации. А потом гувернанткам, точнее, целой их чередой, удалось отшлифовать меня, стесав все острые углы.

– Целой чередой? Вы были трудным ребенком? – Морган мог представить ее себе только как капризную девочку, живую, любознательную и своевольную.

– Резвым. Прилично так выразиться, ваша светлость? – ответила Алиса. – На самом деле обычно я вела себя хорошо. Но вечное желание ублажить каждую из многочисленных и очень разных гувернанток умерило мой пыл.

– А почему же их было так много?

– У лорда Каррингтона была досадная привычка пренебрегать выплатой им жалования. В итоге каждая вынуждена была изыскивать более стабильное положение. Некоторые уходили сразу, иные немного задерживались.

Наполняя свой бокал, Морган произвел в уме любопытную оценку – чем больше он узнавал об Алисе, тем больше она его привлекала. Она представилась ему простой, без выкрутас. Выросла в деревне, прямодушна, сообразительна. И он все время видел прелестные зеленые глаза.

– А радости эксцентричного местного общества вы разделяете, мисс Каррингтон?

– Ваша светлость, я не бываю на приемах и собраниях местной общины. Из-за репутации лорда Каррингтона, прослывшего здесь мотом и игроком, я уже давно, много лет назад, оказалась в незавидном положении. А потом, занявшись управлением поместья, я, на свою беду, слишком отошла от удобоваримой роли старой девы. Поэтому мне нет доступа в дома дворян нашего графства.

– Не так уж необычно, что женщина занимается собственными финансами, – уверенно произнес герцог, и на его красивом лице появилось примирительное выражение. – Например, моя бабушка, вдовствующая герцогиня, активно интересуется своими делами.

– Ваша бабушка – вдова. Вдовам всегда дозволялась гораздо большая свобода действий. Кроме того, заниматься финансами и управлять имением – далеко не одно и то же.

– Люди зачастую относятся с подозрением к тому, чего не вполне понимают, – сказал Морган.

– Возможно, – допустила Алиса. – Однако мое поведение считается неприемлемым не только из-за чего, что я, незамужняя женщина, выполняю мужскую работу. Увы, непростительный грех мой заключается в том, что я компетентна и преуспеваю. – Она поднялась. – Перкинз уже растопил камин в передней гостиной. Быть может, прервемся?

Алиса почувствовала себя неудобно от того, что беседа сконцентрировалась на ней, и была рада возможности переключить внимание герцога. Когда они шли по холлу, она присматривалась к этому высокому человеку, шагавшему рядом с нею, и придумывала, как получше завести разговор о слугах, о том, чтобы их оставили здесь. Она сказала им, что он порядочный человек, но это было просто обнадеживающее предположение.

– Вы играете, мисс Каррингтон? – спросил герцог, когда они вошли в гостиную.

– Нет, ваша светлость, я не умею играть на фортепьяно. Мисс Гиббонз, одна из гувернанток, одаренная небольшим музыкальным талантом, проработала у нас ровно столько, чтобы научить меня играть простые гаммы. Я даже нот не умею читать.

– Ушла, потому что ей не платили?

– Нет. Ее напугал лорд Каррингтон, – ответила Алиса, слегка зардевшись от смущения. – Мисс Гиббонз была очень хорошенькой и гораздо моложе других гувернанток. Однажды вечером лорд Каррингтон, перебрав, по-моему, портвейна, предпринял попытку оскорбить ее физически. После этого довольно скоро, насколько помню, она и уехала.

Герцог промолчал, и Алиса пожалела, что высказалась столь прямо и неделикатно. Ей показалось, что герцог шокирован той язвительностью, с которой она описала, как лорд Каррингтон напился и пытался злоупотребить доверием беззащитной женщины. Она знала, что ей не следовало бы так понимать это происшествие и тем более распространяться о нем вслух. У пристойной беседы весьма строгие правила, и прямота допустима до известных пределов.

Решив вовлечь герцога в разговор, позволяющий ей получше разобраться в нем, Алиса уселась на стульчик у камина. Герцог принялся расхаживать по комнате, а ее зеленые глаза неотступно следовали за его широкими плечами.

Она невольно залюбовалась тем, как элегантно скроен и с каким небрежным артистизмом надет его вечерний костюм. От герцога веяло сдержанной силой и властью. Она поняла, что этот человек добивается всего, чего захочет. Надо быть осторожной, не восстанавливать его против себя, коль скоро лелеешь надежду пристроить у него своих слуг.

Герцог остановился и повернулся к ней лицом. Улыбнулся ей совершенно открыто, и обезоруженная Алиса всем существом ощутила притягательную силу обаяния серебряно-серых глаз. Довольно долго они смотрели прямо в глаза друг другу.

И в полном смятении Алиса выпалила:

– Так что вы собираетесь делать с имением? Почувствовав себя неуютно под откровенным ее взглядом, герцог переступил с ноги на ногу.

– Мой младший брат Тристан скоро женится. Я решил отдать это поместье ему. Тристану всегда нравилась деревня. Полагаю, он будет счастлив жить здесь.

Несколько успокоившись, Алиса на мгновение задумалась над этой новостью, прикидывая, сработает ли она в ее пользу.

– Ваш брат возглавит ведение хозяйства?

– Конечно.

– И он будет решать, кому остаться, а кому уйти?

– Мисс Каррингтон, какое имеет значение, кто станет во главе? Или вы планируете работать здесь?

– Как вы считаете, ваш брат рассмотрел бы такую возможность? – спросила Алиса, в надежде засияв глазами. – Знаю, это не принято, но я – весьма квалифицированный управляющий и вполне наглядно показала, что способна восстановить процветание хозяйства.

Некоторое время Морган обдумывал, сколь серьезно ее предложение. Затем заговорил, не скрывая скептицизма:

– Управлять своим родовым имением – одно дело, а работать управляющим по найму – совсем другое. Боюсь, идея нанять управляющим женщину покажется Тристану чересчур передовой. Он, как и я, считает, что в обществе у женщин есть свое место, которого им и следует придерживаться.

– Свое место, – тихо повторила Алиса, явно обиженная самонадеянным тоном герцога. – Где, точнее?

Губы герцога искривились от удивления ее возмущенным видом.

– Место женщины? – он откинулся к спинке кресла, вытянул длинные ноги и скрестил их в лодыжках. – Женщина должна быть ограждена от грубого мира и защищена так, чтобы могла всю себя посвятить созданию уюта, предупреждая желания того мужчины, на ком лежит ответственность за нее. Днем она должна быть рядом с ним, красивая и преклоняющаяся перед ним. Ночью – любящая и податливая – в его постели.

– Рядом с ним, ваша светлость? Или под его каблуком? – фыркнула от омерзения Алиса.

– Только когда совершенно необходимо, – съязвил Морган, цинично улыбаясь. – А вы не согласны, мисс Каррингтон?

Алиса дерзко вздернула непокорный подбородок:

– Никогда в жизни, ваша светлость, я не была ни ограждена, ни защищена. И ваши суждения о женском поле считаю примитивными и невежественными. По-моему, баловать и ограждать женщин нужно именно самим мужчинам – чтобы чувствовать свое превосходство.

Он хитро улыбнулся, и Алисе стоило усилий оставаться спокойной при этой самодовольной улыбке. Она отдавала себе отчет, что он нарочно поддразнивает ее, но тем не менее беседа казалась ей странно увлекательной. С каждой фразой Алиса все больше познавала герцога как мужчину, а себя как женщину. Красивое лицо, притягательная улыбка и чувственные глаза, смотревшие прямо в ее глаза, все это воздействовало на нее самым странным образом. Она определенно ощущала некое упоение и инстинктивно понимала, что это опасно. Но почти непреодолимо.

Решив, что безопасней будет, если этот вечерний разговор закончится побыстрее, она опять вернулась к теме о новом хозяине имения.

– Поскольку для вашего брата было бы ниже его достоинства рассматривать дело о моем положении в хозяйстве, то позвольте мне хотя бы спросить – разрешит он остаться другим? Как сами можете удостовериться, из чудаков я здесь одна.

– Вопреки вашим выводам из сказанного мной, могу вас заверить, мисс Каррингтон, что Тристан – не тиран. Я убежден, что любого, кого он сочтет полезным здесь, он оставит. Большого сказать не могу.

Ответ был честный, и Алиса приняла его, удовлетворенно кивнув.

– Надеюсь, ваша светлость, что ваш уважаемый брат такой же передовой и непредубежденный человек, как и вы. – И, отвесив прощальный поклон, Алиса спокойно поднялась и пошла к выходу.

Она уходила, а за ее спиной Морган широко улыбался, не поняв – что она хотела: пошутить или обидеть. Алиса Каррингтон, столь не похожая на встречавшихся ему раньше женщин, казалась очаровательной. Французские шпионы в Рэмзгейт-Касле и соблазнительная мисс Кар-

рингтон. Неделя выдалась далеко не ординарная. Наивная и откровенная Алиса привлекала и волновала его несравненно сильнее, чем целый салон умудренных опытом распрекрасных придворных куртизанок.

Покачивая головой над превратностями судьбы, Морган медленно взошел по лестнице и остановился, гадая – где в обширных покоях второго этажа может быть ее спальня.

На следующее утро Алиса пробудилась раньше обычного, и на какой-то миг ей показалось, что все события предыдущего дня, выбившие почву из-под ног, были лишь дурным сном. Осознав, что это вовсе не сон, она неудержимо захотела спрятаться под одеяло и пролежать там неподвижно весь день.

Но вместо этого, подняв затуманенный взор к окну, стала подавленно вглядываться в дымку раннего утра.

К глазам прихлынули слезы, но она их сдержала, решив, что, начав плакать, не сможет остановиться.

Задвинув портьеры, пересекла комнату и принялась плескать на лицо холодную воду, чтобы смыть предательские следы беспокойного сна. Затем быстро оделась, стянула длинные волосы на затылке и уложила их тугим пучком. Покончив с туалетом, направилась в кухню завтракать со слугами.

Пройдя быстрым шагом по холлу, резко свернула за угол, к лестнице, и головой ударилась о герцога. Он непроизвольно схватил ее за плечи, чтобы поддержать, и они оба потеряли равновесие.

– Да черт бы побрал... дьявол! – забормотала Алиса, пытаясь найти опору под ногами.

– Вам тоже доброго утра!

Алиса судорожно вздохнула и глянула вверх, в серебристо-серые глаза герцога.

– Прошу прощения, ваша светлость, – произнесла она шепотом. Почувствовала, что краснеет, и прижала холодную ладонь к разгоряченной щеке.

Он лукаво улыбнулся:

– За что, мисс Каррингтон? За то, что чуть не сбили меня с ног или за то, что так мило обругали?

– Если будете грубить, я возьму свои извинения обратно, – резко выговорила она.

Герцог наклонил голову набок. Ее негодующий вид развеселил его, и он расхохотался. Такого заразительного смеха Алиса никогда не слышала, и невольно заулыбалась сама.

Когда смех утих, Алиса заметила, что на герцоге костюм для верховой езды. Изысканно пошитый, он подчеркивал линии его мускулистого тела, и пульс Алисы участился.

Ее рука все еще лежала на его плече. Бездумно и нежно она пробежала кончиками пальцев по плечу и широкой груди, ощутив дивный контраст между гладким бархатом куртки и упругой, мускулистой плотью.

От ее ласкового исследования герцог почувствовал мощный прилив желания. Он нежно поднял ее подбородок. И перед серебристо-серыми глазами предстало открытое, прелестное лицо Алисы с откровенным любопытством и нерешительной страстью на нем. Но как только их взгляды встретились и она осознала, что делает, в ее глазах вспыхнул ужас.

Алиса стыдливо отдернула руку. На миг ей почудилось, что сердце остановится. Чтобы унять вихрь чувств, она больно прикусила губу. Лицо ее вспыхнуло от смущения, и она отвела глаза.

Видя ее муку, Морган сжалился над ней и тихо проговорил:

– Я надеялся, что этим утром вы мне покажете поместье. Быть может, после завтрака?

Все еще охваченная смущением, Алиса не могла ничего вымолвить и просто кивнула.

– Вот и прекрасно. Давайте посмотрим, какие кулинарные чудеса приготовила для нас сегодня миссис Стрэттон!

И, крепко взяв Алису за руку быстрым движением, – она не успела и возразить, – Морган повлек ее за собою по лестнице вниз, в столовую.

Миссис Стрэттон и в самом деле была очень занята. Перкинз разливал кофе, а Молли и Люси носили в столовую бесчисленные серебряные подносы с горячей пищей и аккуратно расставляли их на буфете.

– Поставить вам тарелку, ваша светлость? – спросил Перкинз.

– Да, Перкинз, и для леди Алисы тоже. Алиса с гордостью отметила, что на столе – свежее выглаженная льняная скатерть, салфетки в тон ей, отполированная серебряная посуда и простой, но изящный букет цветов. Перкинзу удалось раздобыть где-то даже номер «Морнинг пост». Она горячо надеялась, что герцог оценит старания слуг. Алиса благодарно улыбнулась Перкинзу, когда он ставил перед ней тарелку, но, взглянув на ее содержимое, она чуть не опрокинула свою чашку с кофе. Метнув взгляд на тарелку герцога, увидела такую же гору: почки, яйца всмятку, жареный картофель, толстый кусок филе и несколько тонких ломтиков запеченного окорока. Больше, чем она съедала за месяц! «О, моя смета на продукты!» – подумала она в смятении, но потом взяла себя в руки. Ведь завтрак уже был за счет герцога. Но от этого аппетит ее не повысился. Рассеянно взяв один тост, откусила от него, забыв даже намазать маслом.

– Нельзя ли мне спросить вас, мисс Каррингтон, о ваших планах на будущее? – вежливо обратился к ней герцог.

– О планах? Я думала, вы хотите, чтобы я показала вам имение, – ответила она безучастно.

– Я не имел в виду сегодня, – многозначительно сказал он.

– А, – откликнулась она, поняв. – Вы хотите знать, чем я займусь после... отъезда... из Вестгейт-Мэнора? Я уже подготовилась к этому.

Герцог моргнул от удивления:

– Так быстро? – Его холодные серые глаза сузились. – Вы же говорили, что еще вчера вечером ничего не знали о моем приезде.

– Вы неверно поняли меня, ваша светлость, – мягко возразила она. – Планы мои сформировались задолго до вашего приезда.

Он бросил на нее сердитый взгляд, и она поспешно добавила:

– Вопреки вашим благородным воззрениям на женщин, мы не так уж слабоумны, беспомощны и неумелы. Некоторые представительницы прекрасного пола вполне способны позаботиться о себе сами. Когда я впервые просмотрела приходно-расходные книги поместья, мне стало совершенно ясно, что лорд Каррингтон обладает незаурядным талантом тратить деньги. И я поняла, что в итоге он потеряет имение. Два года назад я приобрела небольшой коттедж на окраине деревни, купив его у профессора, ушедшего в отставку и решившего поселиться за границей. В то же время я положила в банк небольшую сумму денег, которую мне удалось сберечь. Деньги эти невелики, но я бережлива, и процентов с вложенной суммы мне хватит на жизнь. Лорд Каррингтон ведь растратил мое приданое, завещанное мне матерью. Поэтому я чувствовала за собою право на компенсацию из того, что мой труд давал поместью, – закончила она, как бы защищаясь.

Морган зачарованно взглянул на нее:

– Мисс Каррингтон, вы не перестаете меня удивлять с того самого момента, как я познакомился с вами.

Улыбнувшись ему, Алиса сказала:

– Принимаю как комплимент, хотя и не уверена, что вы так задумывали.

Вошел Перкинз с письмом на серебряном подносе. Остановившись у стула Алисы, он церемонно предъявил его.

– Почта в такое время? – спросила она удивленно.

– Это письмо из Лондона, леди Алиса, привез специальный курьер.

Алиса с любопытством взяла увесистый кремовый конверт и сразу узнала характерную почтовую бумагу.

– Это от поверенных лорда Каррингтона, – сказала она герцогу. Иронически скривив губы, добавила: – Вероятно, известие о вашем прибытии.

Однако, когда начала читать, улыбка ее растаяла. Зеленые глаза округлились, а тело напряженно сжалось. Подняв побледневшее, осунувшееся лицо к герцогу, Алиса тихо прошептала:

– Лорд Каррингтон умер. Обнаружен прошлой ночью дома – с простреленной головой.

Глава 3

В нависшей оцепеняющей тишине двое мужчин с тревогой ждали продолжения, но Алиса молчала. Герцог, не выдержав, потянулся к письму:

– Можно мне? – спросил он, забирая его. – Очевидно, вашему адвокату, мистеру Бартлетту, удалось убедить власти не проводить официального расследования. Сочли, что смерть лорда Каррингтона – следствие несчастного случая.

– Несчастливого случая? – тупо повторила Алиса.

– Перкинз, бренди! – приказал герцог, поняв, что она не в себе.

Пока Перкинз, трясясь, наливал, герцог бережно сжал похолодевшие руки Алисы. И от этого теплого и сильного прикосновения она сразу же ощутила надежду на утешение.

– Выпейте, – посоветовал Морган, втискивая ей в левую руку бокал с изрядной порцией бренди. – Это поможет успокоить нервы.

Не вняв совету, Алиса вновь повторила свой вопрос.

– Несчастный случай – как можно знать это? – Отчаяние проступило в ее голосе. – Без расследования? А если это убийство?

– Все, Перкинз, – и герцог жестом отпустил дворецкого.

Они остались одни, и он опять взял Алису за руку. Ее затравленный взгляд растрогал его, но не остановил. Тщательно подбирая слова, он попытался объяснить:

– Мистер Бартлетт оказал вам, мисс Каррингтон, огромную услугу, – сказал он спокойным голосом. – Для всех, и особенно для вас, лучше так – без излишне пристального разбирательства.

Возникшую после этих слов напряженность Алиса разрядила, высказав вслух самое для нее страшное подозрение:

– Самоубийство? – выдавила она срывающимся шепотом. – Думаете, это было самоубийство?

– Могло быть, – ответил Морган уклончиво, не желая прямо подтверждать свое мнение, неприятное и ему самому.

– Думаете, надо оставить все как есть? – спросила она безжизненным голосом.

– Вероятно, это разумней всего.

– А что же мне теперь делать? – встревожилась она. – Ехать в Лондон на... на... – и не смогла выговорить то слово.

– Мистер Бартлетт сделает все необходимое. Велите ему доставить тело лорда Каррингтона сюда.

– Сюда? Зачем? Ведь Вестгейт-Мэнор больше не принадлежит семейству Каррингтонов.

– Не такой уж я изверг, чтобы отказать человеку в месте последнего успокоения. Разумеется, похоронят его здесь, – резко проговорил Морган, и из-за возникшего в нем чувства собственной вины слова эти прозвучали более жестко, чем ему хотелось бы.

– Спасибо вам, – сказала Алиса слабым голосом. – Я теперь же извещу мистера Бартлетта.

Она сидела неподвижно, сжимая бокал с забытым бренди. «Самоубийство, самоубийство», – эхом отдавалось у нее в мозгу. Она старалась воскресить какие-нибудь приятные воспоминания, связанные с отцом, но тщетно, лишь возмущение и горечь овладевали ею.

Еще сильнее опечалилась она, осознав, что никого из родных у нее больше нет. Джереми Каррингтон был эгоистичным человеком, холодным, равнодушным отцом. Вот и теперь – покончил с собой, а дочери заглаживать его вину.

Герцог что-то сказал ей, она смотрела на него невидящим взором. Попыталась собраться и выйти из оцепенения. Герцог повторил:

– Что мне сделать для вас, мисс Каррингтон? Чего бы вы желали?

Ей захотелось крикнуть: «Избавить меня от всего этого! Сделать так, как было раньше, пока вы не вошли в наш дом! – Алиса закрыла глаза, стараясь изгнать из мыслей эти упреки. – Волноваться бы из-за цен на зерно, переживать – как скажется погода на урожае в этом году... И не желаю, чтобы меня вышвыривали из дома моего. Не хочу хоронить такого отца, который взял да прикончил себя».

Совершенно сломленная, Алиса выпила весь бренди из судорожно сжимаемого бокала.

– Вы и так уже достаточно сделали, ваша светлость, – ответила она холодно, ибо испытывала потребность выплеснуть на кого-то свои страдания, хотя и понимала, что винить его не имеет права. – Простите, но я сегодня не смогу сопровождать вас при объезде имения. Надо безотлагательно отправить некоторые письма.

Она вышла, а Морган еще несколько минут после этого, заворочено уставившись на дверь, размышлял, пойти за нею или нет. И, подивившись тому, как глубоко тронут ее горем, страстно пожелал сделать или сказать что-то такое, от чего бы ей стало легче, но ничего подходящего не смог придумать. И неизъяснимо сильный гнев на лорда Каррингтона охватил Моргана. Как мог человек быть столь невнимательным и жестоким к своему ребенку? Нет, это невообразимо.

Герцог откладывал свой отъезд как можно дольше, надеясь, что Алиса станет искать его. Решив в конце концов, что следует самому найти ее, он зашел в большую гостиную и увидел Алису, отрешенно смотрящую в окно.

Услышав шаги, она обернулась, и герцог успел заметить в ее глазах проблеск боли прежде, чем она его подавила.

– Уезжаете, ваша светлость? – спросила она ровным голосом.

– Если не могу помочь чем-то еще...

Алиса отрицательно качнула головой. Порывисто шагнув к нему, она протянула руку, чтобы попрощаться, намереваясь при этом принести извинения за неучтивое поведение. Безошибочно поняв это, герцог взял ее руку, поднес к губам и нежно поцеловал запястье.

Глаза их встретились... И задержались... И мгновение они смотрели друг на друга так, будто связаны глубоким родством душ. И стремительноросло такое напряжение, что Морган не устоял перед страстным желанием обнять ее. Он бережно, но властно втянул Алису в кольцо своих рук и крепко обнял, как бы утешая подобной близостью мужской силы.

Его поступок захватил ее врасплох, но она поборолла упрямую сдержанность и не сопротивилась, приняла спасительность объятия. Физическая и духовная сила герцога породила в ней неведомое ощущение защищенности. Отметив ладное соответствие их тел и дивясь его совершенству, Алиса подняла лицо, чтобы молча поблагодарить за сострадание.

Их взоры вновь встретились, неизведанная могучая волна чувств захватила Моргана, и он без раздумья запечатлел на ее губах чувственный поцелуй, долгий и проникновенный, отдаваясь той страсти, что пробудила в нем Алиса. Когда опаматовался, сразу же ощутил ее изумление и робкую ответную реакцию. Сконфуженный, он прервал поцелуй так же внезапно, как и начал, и отступил от нее, досадуя на себя, что так потерял голову.

У Алисы перехватило дыхание. Силясь прийти в себя, она пытливо взглянула на герцога. И слегка заколебалась – поцелует ли снова, окажется она опять в его объятиях? А поцелуй его был самым замечательным из всего, что она когда-либо испытала: настойчивый, но бережный, крепкий, но и нежный. Жаль, что прервался.

Морган, глянув на ее отрешенное лицо, нахмурился. Подавив внезапный всплеск эмоций, в котором чуть не захлебнулся, он отступил еще на шаг и решил, что самое время спешно ретироваться.

– Всего доброго, мисс Каррингтон.

– И вам, ваша светлость, – ответила она, обескураженная его суровым тоном.

Он направился к выходу, явно торопясь уйти, а она недогнувшим взором проводила его. Затем вернулась к столу с незаконченным письмом и, резко тряхнув головой, постаралась выбросить из мыслей все происшедшее, но это ей не удалось.

Герцог сел в экипаж, но задержался, чтобы дать последние распоряжения Перкинзу.

– Передайте мисс Каррингтон, что меня можно найти в Рэмзгейт-Касле, под Портсмутом. Буду там до четверга. Потом – в Лондоне, – и он вручил дворецкому записку с адресами. – Присмотрите за нею, Перкинз, – вежливо попросил он, удивив и себя, и дворецкого. Затем легко щелкнул вожжами, и застоявшиеся гнедые рванули с места в карьер.

На всем пути к Рэмзгейт-Каслу Моргану было не по себе. Он непрестанно думал об Алисе и не мог понять, чем же она его так поразила. Их страстный поцелуй был сладок, несмотря на ее явную неискренность, и доставил ему, как, несомненно, и Алисе, безмерное наслаждение.

Но пленила она его не только физически. Он восхищался ее душой и умом, способностью достойно, даже победно, выходить из таких ситуаций, которые сломили бы многих мужчин, а большинство женщин просто погубили бы. Она неоднократно проявляла свою внутреннюю силу и отвагу и заслужила его уважение за этот недолгий визит. И все же что-то еще тянуло Моргана к Алисе, а что – он не мог определить. И не нравилось ему это. Очень не нравилось.

Много лет назад его безотчетно тянуло и к Валери, ставшей затем его женой. Конечно, не совсем так, как теперь, но рядом с нею он поначалу тоже искрился от возбуждения. К сожалению, вскоре после женитьбы искры пошипели да угасли, и Морган почувствовал себя как в западне, навсегда привязанным к женщине, не любимой и не милой и вечно напоминающей ему, что быть его женою – сущее наказание.

Валери страдальчески плакала, излагая ему, как он оскорбляет ее нежные чувства своими физическими домогательствами. Она панически боялась его прикосновений и обвиняла в том, что он пользуется ею только как почвой для своего семени, дабы породить наследника. Поразмыслив, Морган признался себе, что она права, и отступился от притязаний на ее плоть.

Валери умерла, так и не оставив ему наследника, но Моргана уже больше не заботит передача титула отпрыску. Недавно с войны на Пиренейском полуострове вернулся израненный, но, слава Богу, целый, младший брат, Тристан. Морган безотлагательно объявил его преемником титула герцога с передачей ему всех полномочий и тем самым уберег себя от неприятной необходимости жениться повторно. Отныне Тристану предстояло продолжить род Эштонов и породить новое поколение, к которому и перейдут все обширные родовые владения.

Мрачные воспоминания развеялись, когда Морган увидел вдали Рэмзгейт-Касл. Хоть он и не родился здесь, но нежная память о летних месяцах в беззаботном отрочестве была связана у него именно с этим замком. Величественно стоя на холме, замок свысока как бы взирал на округу. Мягкий отблеск солнечных лучей скрадывал его огромные размеры. Изначально он был возведен при Генрихе VIII как одна из прибрежных крепостей для защиты от вторжения французов, но возродил его четвертый герцог, дед Моргана, вернувшийся из своих долгих странствий по Европе и решивший отреставрировать его и обновить.

На реставрацию ушло почти двадцать лет, но в результате получилось бесподобное сооружение, демонстрирующее изощренное мастерство, богатство и тонкое воображение. Перестроенное в готическом стиле первоначальное здание преобразилось в творение искусства с высокими каменными шпилями, причудливыми резными украшениями, с бесконечными стрельчатыми окнами с прозрачными стеклами и витражами, с занимательными скульптурными изображениями, высеченными по всему фасаду.

Интерьер производил не меньшее впечатление полами, выложенными черным, красным и белым мрамором, высокими сводами потолков, украшенных позолотой и горельефами.

Неожиданный приезд Моргана привел всех в необычайное волнение. Дворецкий Берк буквально весь извертелся, когда сопровождал Моргана в большой холл, а принимая у него пальто и перчатки, вообще чуть не вывернул себе руки.

– Нас ведь не предупредили о вашем прибытии, ваша светлость, – сказал Берк, – явно в панике. – Повар едва ли успеет приготовить подобающий обед.

– Не надо всем разрываться из-за меня, Берк, – не задумываясь, отозвался герцог. – Оказавшись по делам неподалеку отсюда, не мог же я вернуться в город, не повидавшись с бабушкой. Кстати, как она?

– Вдовствующая герцогиня как всегда в полном здравии, ваша светлость. Думаю, они вместе с миссис Глиндон сейчас в малой столовой трудятся над перепиской ее светлости.

Услышав это, Морган улыбнулся. Бабушка всегда работала над своей корреспонденцией. Однажды он сказал ей, что она рассылает друзьям писем больше, чем Наполеон депеш своим генералам.

– Хорошо. Я зайду туда, как только приведу себя в порядок, – и герцог упруго зашагал вверх по винтовой лестнице, а Берк запыхтел сзади, стараясь не отстать. – Да, Берк, через час подайте чай в малую столовую. – И, жестом отпустив дворецкого, герцог преодолел последний марш, шагая через две ступени.

Выбившийся из сил Берк вцепился в кованые перила, пытаясь перевести дух и судорожно соображая, сможет ли он теперь вовремя исполнить приказ герцога.

Вымывшись, переодевшись во все чистое и почувствовав себя намного бодрее, герцог направился в малую столовую поздороваться с бабушкой. Он явился как раз к чаю.

– Морган! – радостно воскликнула вдовствующая герцогиня. – Вот это сюрприз!

Морган пересек комнату и наклонился к бабушке, чтобы поцеловать ее в щеку.

– Прекрасно выглядите, мадам! Герцогиня похлопала ладонью по сиденью рядом с собой, и Морган сел.

– Мы с Имогеной только что закончили. Морган поклонился компаньонке герцогини:

– Как поживаете, миссис Глиндон?

– Спасибо, хорошо, ваша светлость, – ответила миссис Глиндон сорвавшимся голосом.

– Имогена, вы выпьете с нами чаю? – спросила приветливо герцогиня.

Миссис Глиндон благоразумно отказалась. Эту уже довольно пожилую женщину присутствие красивого внука хозяйки неизменно приводило в легкое смущение. К тому же она отлично знала, что вдовствующая герцогиня предпочитает беседовать с герцогом без свидетелей.

– Значит, увидимся за обедом, – проговорила герцогиня, позволяя ей удалиться.

– Ну, скажи, дорогой мой мальчик, – спросила она после ухода миссис Глиндон, – чему я обязана за этот восхитительный сюрприз? Не в твоём обыкновении являться сюда, не известив меня заранее. – Вдруг испугавшись, продолжила: – Что-то случилось? С Тристаном все в порядке?

– Трис в порядке, – заверил Морган. – Что с вами со всеми сегодня? Разве уже нельзя просто так заехать домой, не доводя при этом никого до безумия? Сначала Берк, теперь вы.

– Не дуйся, Морган, – пожурила герцогиня, внимательно взглянув на внука. И поняла, что, хотя Морган никогда не отличался ровным характером, на сей раз легко возбудился потому, что сильно чем-то встревожен. Решив повременить, принялась сервировать чай.

Отточенным движением приподнимая спондерский чайник, герцогиня наполнила фарфоровые чашки. Положив сахару и налив сливок, одну из них передала Моргану. Пока он пристраивал этот тонкий сосуд на своей большой ладони, она разложила на блюде печенье, бутерброды, сдобренные огурчиками, булочки и его любимые пирожные с кремом. Поставив все на низкий столик перед Морганом, стала наблюдать, с каким удовольствием внук занимается содержимым блюда.

Безучастно потягивая чай, она отметила усталые глаза и жесткие морщинки у рта. Да, определенно он чем-то очень озабочен, но по опыту герцогиня знала, что он сам все расскажет в свое время.

Хотя вдовствующая герцогиня любила обоих внуков, Морган занимал особое место в ее сердце. Она не была слепа к его недостаткам. Да, он вспыльчив, требователен, порою безапелляционно властен, но за внешними проявлениями резкости скрывается доброе, преданное сердце и чуткая душа.

Мало кто наблюдал ранимость Моргана, но герцогине довелось. Супружество его было несчастливим, и она винила за это и себя, ибо одобрила этот союз. И лишь одна она знала, как он страдал и корил себя, когда умерла Валери.

После ее смерти он ушел в себя и более трех лет вел жизнь уединенную. К герцогу, человеку весьма сложному, в свете относились с уважением и благожелательностью, но редко кто мог заслужить его дружбу. Он полагался только на себя и решал все самостоятельно. А о женщинах, как понимала герцогиня, Морган был невысокого мнения. Не будучи наивной, она знала о его любовницах и увлечениях замужними светскими дамами. Она давно оставила попытки знакомить его с респектабельными молодыми особами на выданье. Он недвусмысленно высказал отказ жениться повторно, а вдовствующая герцогиня деликатно относилась к его пожеланиям.

По этому поводу у них было полное взаимопонимание.

Решив, что Морган вволю наелся лакомств, герцогиня приступила к расспросам.

– Что нового у Триса и милой Каролины? Удалось мамаше Каролины, несмотря на ветер в голове, назначить день их свадьбы?

– Бабушка, – предостерег Морган, – не стоит постоянно поминать ветер в голове у леди Грэнтем.

– Отчего же? Ведь это правда. Слава Богу, Каролина унаследовала от нее только добрый нрав, а не отсутствие здравого смысла. Ты же знаешь, я терпеть не могу глупость, особенно в женщинах. Так какие планы насчет свадьбы?

Морган бросил на нее сердитый взгляд:

– По правде говоря, мадам, если вы будете настаивать на обсуждении свадебных планов, то я вынужден буду покинуть вас.

– Перестань раздражаться, Морган, либо я возьму обратно все изъявления восторга по поводу нашей встречи.

– Простите. У меня была тяжелая неделя, – и Морган съел еще пару бутербродиков. – Бабушка, вы знали Джереми Каррингтона, виконта Малгрэйва?

Подумав немного, герцогиня ответила:

– Помню, много лет назад я встречалась с Элеонорой Каррингтон. Бедняжка умерла совсем молодой. Печально. Приходилась она ему женой или сестрой – не знаю. Нет, погоди, Элеонора была женой. Припоминаю, и ребенок был. Да, дочь.

– Алиса, – пробормотал Морган.

– Жили они в прелестном доме, в Гэмпшире. И звался он, по-моему, Вестгейт-Мэнор.

И тут Моргану захотелось, чтобы у бабушки не было такой отличной памяти. Она же знала о семействе Каррингтонов больше него.

– Теперь Вестгейт-Мэнор мой, – сообщил он герцогине.

– А я и понятия не имела, что ты приобрел еще одно поместье.

– Да я его купил на аукционе, – сказал он, оправдываясь.

– На аукционе? В это-то время года?

– На несколько необычных торгах, в Уайтсе, – неохотно признался Морган.

– Батюшки! Каким же дураком надо быть, чтобы продать одно из наилучших земельных владений столь смехотворным способом! – Глаза герцогини подозрительно сузились: – Лорд Каррингтон был пьян?

– Разумеется, нет, – возмущенно ответил Морган. – Уверяю вас, бабушка, я заплатил сполна лорду Каррингтону. Даже больше, судя по тому, что увидел вчера в этом имении.

Вдовствующая герцогиня осуждающе поджала губы, затем произнесла:

– На мой взгляд, все случившееся – крайность непозволительная, даже и для тебя, Морган.

Герцог приподнял бровь:

– Мадам, вы намекаете, что я поступил не приличествующим мне образом?

– Нет, не намекаю. Я это говорю тебе прямо.

– Я сражен, мадам. – Морган знал, когда следует отступить и благоразумно порешил о безвременной кончине лорда Каррингтона рассказать бабушке спустя несколько дней. – Мне казалось, Три – су понравится стать владельцем имения после женитьбы.

Подумав над этой идеей, герцогиня сказала:

– Уверена, он обрадуется. По-моему, Трис в глубине души всегда немножечко воображал себя помещиком. И Каролине лучше жить не в Лондоне, подальше от мамыши и ее влияния. Береженого и Бог бережет, мальчик мой.

– Коварны вы, бабушка, – пошутил Морган.

– Да уж, – согласилась она, сверкнув глазами.

Обед в тот вечер начался в дружеской обстановке. Морган сначала галантно рассадил дам и лишь потом занял свое место во главе стола. Ливрейные лакеи, каждый из которых обслуживал троих обедающих, подали первое блюдо.

Морган ел машинально, не ощущая вкуса пищи. Мысли его были заняты предстоящей беседой с управляющим имением, Викерзом, запланированной на утро. К тому же необходимость устроить ловушку из собственного дома заставляла его чувствовать всю нелепость своего положения.

«Нет, сведения лорда Каслрея неверны, – решил про себя герцог, осушая третий бокал вина. – Невозможно, чтобы кто-то из замка работал на французов».

Вдовствующая герцогиня, перехватив его взгляд, осуждающим взором указала на уже опустевший бокал. Морган озорно улыбнулся ей, рассчитывая смягчить ее гнев. Строго застыв на мгновение, она не устояла перед его обаянием и улыбнулась в ответ.

– Говорил ли я вам, мадам, как вы очаровательно выглядите сегодня? – спросил Морган и взял ломтик нежнейшего фазана.

Герцогиня горделиво приосанилась от комплимента.

– Еще нет, сэр. – быстро нашлась она. – Пора и сказать.

А выглядела вдова блистательно. На ней было строгое платье из серого атласа с прямоугольным декольте, эффектно украшенным ожерельем из огромных сапфиров и бриллиантов. Волосы были увенчаны тюрбаном, выгодно увеличивавшим ее небольшой рост. Рядом с коротенькой и пухлой миссис Глиндон вдовствующая герцогиня вряд ли выглядела на свои шестьдесят с лишним.

«Миссис Глиндон, – Морган, прищурившись, взглянул на бабушкину компаньонку последней пары лет. Смутно всплыли упоминания о ее родственниках во Франции. – А вдруг они связаны?»

– Скажите, миссис Глиндон, ваша семья и по сей день живет во Франции?

– Ах, да, ваша светлость, – ответила она, польщенная тем, что герцог запомнил кое-что лично о ней. – Моя овдовевшая сестра и три ее сына живут под Парижем.

– Вы переписываетесь с ними? Часто?

– Уже не переписываюсь, – она сокрушенно вздохнула. – В последние годы трудно получить письмо, отправленное почтой.

– Но существуют и другие способы, – упорствовал Морган.

– Наверное, – проговорила миссис Глиндон неуверенно, не поняв к чему клонит герцог.

– Ваши племянники служат во французской армии? – надавил на нее Морган.

– О нет, ваша светлость, – отозвалась миссис Глиндон. – Они еще мальчишки. Старшему, Филиппу, всего тринадцать.

– А ваша сестра, миссис Глиндон? Она одобрительно относится к политике Франции?

– Я... я... ах... не понимаю, что вы имеете в виду, – пробормотала, запинаясь, миссис Глиндон.

– Вопрос простой. Ваша сестра – сторонница Наполеона? – обвинительным тоном произнес Морган.

– Морган! – вмешалась герцогиня. – О чем ты думаешь, говоря все это Имогене?

Морган взглянул на дам. Миссис Глиндон была готова расплакаться, а бабушка рассердилась настолько, что, казалось, запустит в него своим бокалом.

Морган удрученно потер рукою затылок. «Что со мною? Держусь так, словно эта женщина подозревается в убийстве».

– Дорогие дамы, прошу простить меня. Мадам, миссис Глиндон, извините меня. Боюсь, сегодня я не гожусь для общения. – Он решительно встал из-за стола, церемонно поклонился на прощание и вышел.

Утром Морган, стоя у окна в библиотеке, в унынии смотрел на величественный парк. Из беседы с управляющим он не почерпнул ничего относящегося к делу. Уже больше года никого из новичков на работу в поместье не нанимали. Надежды Моргана рухнули, и это не приводило его в восторг.

Бесшумно ступая по толстому восточному ковру, он подошел к двери и предусмотрительно запер ее.

Задуманная ловушка для Сокола была предельно проста. Моргану передали три набора документов, в каждом из которых содержалась важная, но различная информация об английских войсках и коммуникациях на Пиренейском полуострове.

Моргану надлежало один набор документов запереть в своем письменном столе в Рэмзгейт-Касле, другой – спрятать в наиболее неподходящем месте в этой самой комнате, а третий – положить в сейф в личном кабинете в лондонском доме.

Лорд Каслрей намеревался распустить слух, поставив в известность кое-кого о том, что Морган начал активно работать на министерство обороны, и таким образом довести до сведения Сокола, что герцог располагает ценными данными. Затем английские агенты во Франции сообщат лорду Каслрею, какая информация проникла во Францию.

Любой, кто знает с кем-либо из работающих в поместье и потому имеющий доступ в Рэмзгейт-Касл, сможет добраться до первой пачки документов в письменном столе. Вторую пачку отследить и изъять труднее. Но если ее найдут, то это будет означать, что информатор лично знаком с герцогом. Коль скоро обнаружат третью пачку, то подтвердятся подозрения лорда Каслрея – военными секретами торгует кто-то из английского высшего общества.

Заперев надежно дверь, Морган осмотрел все в комнате. Поспешно вынув из внутреннего кармана сюртука две пачки документов, одну из них положил в верхний левый ящик письменного стола и запер его. Другую упрятал в сейф, вделанный внутрь застекленного атласного дерева шкафа работы Шератона.

Разместив документы, Морган вышел из библиотеки. Ловушка в Рэмзгейт-Касле поставлена. Остается ждать.

Спустя три дня состоялся скромный обряд погребения Джереми Каррингтона, которого уложили навсегда рядом с его женой на фамильном кладбище. Чтобы оплатить похороны, Алиса продала свою единственную драгоценность, брошь с гранатами и жемчугом, доставшуюся ей от бабушки. Во время обряда Алиса одиноко стояла в промозглом февральском тумане, но глаза ее были сухи. Спокойно и отрешенно следила она, как тяжелый дубовый гроб опускается в землю. Понимала, что кажется бессердечной, но не считала себя обязанной лить притворные слезы, дабы благотворно воздействовать на чувства тех немногих, что пришли на этот

обряд. Присутствовало несколько мелкопоместных дворян, явившихся скорее из любопытства, чем от огорчения или по дружбе. Алиса фактически их и не знала.

На обряде был и мистер Бартлетт, лондонский поверенный лорда Каррингтона. Когда погребение закончилось, он и Алиса зашли в библиотеку, чтобы подытожить имущественное положение лорда Каррингтона. Дела были плохи.

Усевшись поудобней, мистер Бартлетт начал:

– Как вам известно, леди Алиса, Вестгейт-Мэнор принадлежит теперь Моргану Эштону, герцогу Джиллингему.

Перед ее мысленным взором возник волнующий образ герцога Джиллингема, и сердце учащенно забилося.

– Насколько я понимаю, – продолжал мистер Бартлетт, – новый виконт Малгрэйв отныне – ваш дядя, мистер Ричард Каррингтон.

– Дядя? – произнесла она безучастно. Она совсем забыла о существовании младшего брата отца. – Никогда не видела его. Он отправился в колонии задолго до моего рождения. Кажется, братья из-за чего-то рассорились. И, по-моему, после этого совершенно не общались более тридцати лет. Мне ничего не известно о Ричарде, но полагаю, что английский титул для американца – довольно бесполезный товар, особенно если вместе с ним не наследуется никакого имущества. – Она взглянула на мистера Бартлетта, чтобы узнать его мнение.

Мистер Бартлетт, невысокий коренастый мужчина, беспокойно заерзал, ощутив неловкость от ее прямого взгляда. Прокашлялся.

– К сожалению, леди Алиса, крайне необходимо отыскать нового виконта. Мне до сих пор не удалось разузнать что-либо о местопребывании его самого или его наследников. Питал надежду, что в этом мне сможете помочь вы.

– Почему так важно найти моего дядю, мистер Бартлетт? – спросила Алиса, предчувствуя беду.

– К моменту кончины лорда Каррингтона накопилось множество неоплаченных им счетов. – Мистер Бартлетт вынул из лежавшей у него на коленях кожаной сумки кипу бумаг.

Пораженная Алиса уставилась на него:

– Этот о не может быть. Лорд Каррингтон продал на аукционе Вестгейт-Мэнор, и вырученных денег должно было вполне хватить на выплату всех его карточных долгов.

– Деньги за поместье были истрачены еще до смерти лорда Каррингтона. – Мистер Бартлетт приподнял толстую пачку бумаг. – Здесь не карточные долги, леди Алиса. Это счета от его портного, сапожника, домохозяина и так далее. Ответственность за их оплату лежит теперь на его наследнике, и если мы не сможем найти такового, то платить придется вам.

– Сколько? – спросила Алиса дрогнувшим голосом, и лицо ее стало пепельно-серым.

– Около шести тысяч фунтов стерлингов. «Шесть тысяч! – Алиса с трудом выдохнула застрявший в горле воздух. Внутри у нее все сжалось от ужаса, а трясущаяся рука потянулась ко рту. – Господи, помоги мне, это какое-то жестокое недоразумение!» Но и единого взгляда на лицо мистера Бартлетта ей хватило, чтоб убедиться в обратном.

– А если я не смогу расплатиться? Мистер Бартлетт закусил губу.

– Должники в конце концов оказываются в тюрьме Ньюгейтэ, – сказал он как можно мягче.

– Боюсь, так и будет, мистер Бартлетт. Алиса подошла к секретеру и достала из него два документа. Осознание того, что она делает, ужасом сдавило горло, и она молча вручила документы поверенному.

– У меня есть небольшая сумма в банке и скромный коттедж на окраине деревни. Если снять вклад и продать коттедж, мне хватит денег расплатиться с долгами, как вы думаете?

Мистер Бартлетт увидел страх и неуверенность в ее глазах. Быстро просмотрев документы, он решил, если не хватит, добавить из своих скудных средств.

– Уверен, этого будет достаточно. Надеюсь, вы разрешите мне заняться этим делом?

– Была бы очень вам признательна, мистер Бартлетт, – произнесла Алиса тихо, провожая его до двери библиотеки. – От всей души благодарю вас за доброту ко мне.

Мистер Бартлетт взглянул на ее милое лицо и проникся печалью, отразившейся в ее зеленых глазах. Улыбнувшись ей, чтобы приободрить, он вышел.

Как только дверь за ним затворилась, Алиса медленно опустилась на пол, закрыв лицо руками.

Рассудок отказывал ей, оглушенной неоспоримым фактом – теперь у нее нет ни движимого, ни недвижимого имущества.

Глава 4

– Как ты думаешь, Мейвис, его преподобие Джеймсон сумеет помочь мне найти место? – спросила Алиса свою бывшую няню.

Уже целую неделю после печальной встречи с мистером Бартлеттом Алиса искала работу, но тщетно. Придя в отчаяние, она обратилась за помощью к приходскому священнику, надеясь, что в его возможностях обеспечить ее по меньшей мере рекомендательными письмами. Он очень удивил ее, предложив связаться с его сестрой, проживающей в Корнуолле, дамой весьма состоятельной, полагая, что она-то знает семью, нуждающуюся в гувернантке или компаньонке.

– Уверена, что преподобный Джеймсон сделает все, на что способен, – ответила Мейвис, хмыкнув. – Он добрый человек, хотя и клирик. – Не испытывая особого почтения к представителям духовенства, она использовала любую возможность высказать свое мнение.

Приводя в порядок спальные покои бывшего хозяина, они занимались разборкой вещей, изымая жалкие остатки личных принадлежностей лорда Каррингтона.

– Хотя ты и не совсем одобрительно относишься к его преподобию Джеймсону, я, признаться, весьма благодарна ему за помощь.

Прервав работу, Мейвис отвернулась, чтобы Алиса не видела ее лица. Срывающимся от переполняющих ее чувств голосом заговорила:

– Если бы я могла оберегать тебя, как раньше, когда ты была крошкой! Как представлю себе: сидишь ты безвылазно в чьей-то постылой детской и гробишь юность свою и красоту из-за чужих сопливых детишек – сердце мое разрывается! – и, вынув из кармана передника носовой платок, Мейвис звучно высморкалась.

– О, Мейвис! – Алиса бросилась к пышнотелой няне и обняла ее, пытаясь успокоить. – Не такая уж я красавица, и юность моя давно миновала. И хочется верить, что у меня достанет ума и силы духа пойти своим путем в жизни.

– Не тоже, – возразила Мейвис. – Ты и по рождению, и по воспитанию – леди. Ты должна выйти замуж, чтобы у тебя были свои дети, которым ты и будешь отдавать свою любовь, и заботливый супруг, оберегающий твои интересы. Тебе не пристало мучиться, зарабатывая на пропитание.

– Не изводи себя, Мейвис! Все будет хорошо. Уверена, что не смогу найти место гувернантки. Наймусь в компаньонки.

– Страшно слышать.

– Но для женщины в моем положении других возможностей просто не существует. – Приняв вызывающую позу, Алиса насмешливо добавила: – Конечно, всегда можно попробовать себя на сцене.

– Леди Алиса! – У оторопевшей Мейвис отвисла челюсть.

Алиса от души расхохоталась:

– Прекрасно! Ты уже не плачешь! Долой мрачные мысли! У нас полно работы, а хотелось бы закончить все до въезда сюда герцога.

– Когда ж он въедет? Все нет вестей? – спросила Мейвис, извлекая из гардероба траченные молью бриджи.

Алиса отрицательно тряхнула головой и сказала:

– Наверняка, очень скоро узнаем.

Единственную весточку от герцога Алиса получила через четыре дня после его отъезда из Вестгейт-Мэнора. В короткой записке просто сообщалось, что она может не уезжать из имения сколь угодно долго. Герцог написал это собственноручно, не передоверив секретарю. Под-

писался без титула, и тайное любование словами «Морган Эштон», круто выведенными внизу листка плотной бумаги, так поглотило Алису, что на это ушла вся вторая половина дня.

Алиса понимала, что проявляет слабость и ведет себя безрассудно, но не могла изгнать из памяти прощальные объятия и поцелуй герцога. Прикосновения мужчины да еще и поцелуй были для нее столь необычны, что случай этот не мог легко забыться.

Открыв большой дорожный сундук, Алиса вывалила одежду из него на пол и принялась просматривать ее. Вещи были сильно изношены, в винных и пищевых пятнах. Вообще, во всем был жуткий беспорядок, многие сундуки не открывались годами. И эта комната с мрачными свидетельствами того, насколько может опуститься человек, подействовала на Алису угнетающе. Да и Мейвис своими охами о будущем расстроила ее сверх меры. Алису вовсе не прельщала перспектива провести остаток жизни среди чужих, к тому же в роли чуть ли не служанки.

– К нам едет карета, – объявила Мейвис, посмотрев в окно. – Кого-то ждем?

– Нет. Герб на дверцах мне незнаком. А тебе? – И Алиса, вытянув шею, выглянула из открытого окна, чтобы получше рассмотреть приближающуюся карету.

– Отсюда мне не разглядеть, – посетовала Мейвис. – Старые глаза уже не те, что раньше, но, по-моему, это кто-то важный. Таких больших карет давно не встречала в наших краях.

Из окна им хорошо было видно, как карета проехала по круговой дорожке и остановилась у парадного входа. С запяток спрыгнул долговязый лакей и отворил дверцы.

Из шикарного экипажа сначала вышел мужчина, а за ним две женщины. Даже с такого расстояния Алисе было видно, что одеты они богато и модно. «Быть может, кто-то из соседей пожелал выразить соболезнования, – подумала она. – Однако это маловероятно».

И вдруг она узрела всадника, стремительно влетевшего в усадьбу. Под ним был вороной жеребец, такой огромный, каких Алиса и не видывала. Натянув поводья, всадник осадил коня у кареты и заговорил с только что вышедшей тройцей.

В надежде расслышать разговор Алиса попыталась побольше высунуться из окна. Когда она подалась вперед, часть оконной рамы, сгнившая от старости и небрежения, оторвалась, и Алиса начала падать. Почувствовав, что вот-вот полетит головой вниз, она испуганно вскрикнула. Раскинув руки в тщетной попытке обрести равновесие, она впала в панику и громко закричала. Услышав этот крик, Мейвис своими большими руками обхватила тонкую девичью талию и втянула Алису обратно.

На крик Алисы все четверо внизу подняли головы. С помощью Мейвис Алиса стала прямо, но ее шатало еще секунды две. Пригладив растрепавшиеся волосы, Алиса снова выглянула из окна. И натолкнулась на четыре пары любопытных глаз. И сразу же во всаднике узнала герцога Джиллингема.

Он, лихо отдав честь, поприветствовал ее, и она вспыхнула от стыда. Ведь крайне унижительно, когда тебя видят висящей на окне, как непослушное дитя.

– Ну вот, взгляни, все дерево насквозь прогнило, – воскликнула Мейвис, осматривая расщепившийся подоконник. – Все разваливается. Ты же могла упасть вниз и сломать шею.

– Я-то цела. Не ранена, но достоинство уронила, – Алиса тяжело вздохнула. – Жуть, что им пришлось увидеть, – охнула она глухо. – У герцога просто дар какой-то заставить меня в самый неподходящий момент.

– Значит, и герцог приехал?

– Да. Мне лучше сойти вниз. Перкинз помогает миссис Стрэттон разобраться с запасами в кладовой и оттуда вряд ли услышит стук парадной двери.

Она спустилась в холл, но никого не нашла там.

Хотела было отправиться на поиски неожиданных гостей, но тут из передней гостиной вышел Перкинз.

– Герцог пожелал пройти в переднюю гостиную, – объяснил Перкинз. – Просил принести что-нибудь перекусить и попить.

Алиса досадливо вздохнула: мол, едва ли мы готовы принимать гостей.

– Миссис Стрэттон, я уверена, сможет сотворить что-нибудь приемлемое. Попросите ее приготовить чай с сэндвичами и захватите вина для джентльменов. – И, коснувшись руки старика, ободряюще добавила: – Все будет хорошо.

– Ого, быстро обслуживают! – прозвучал мужской голос, когда Алиса вошла в гостиную.

Она обернулась к сказавшему это молодому человеку и смерила его холодным взглядом. Но сие не возымело никакого действия, и он сердечно улыбнулся ей в ответ. И Алиса мгновенно осознала свою оплошность: очень похож на герцога, явно его родственник, скорее всего, младший брат, Тристан. Тот самый человек, которого Алисе непозволительно обижать, если она питает надежду пристроить у него своих немногочисленных помощников.

– Мисс Каррингтон, очень рад видеть вас снова! – шагнув навстречу, произнес герцог, чтобы вызволить ее из состояния немого оцепенения. – Надеюсь, та небольшая неприятность не привела к травме.

– Я невредима, ваша светлость, уверяю вас, – ответила она скупно. – Весьма любезно с вашей стороны проявить такое участие ко мне, благодарю.

Последняя фраза, которую следовало бы воспринять как отповедь, наоборот, его порадовала. В черном креповом платье, так же плохо пригнанном, как и другие ее наряды, она казалась еще худее и гораздо бледнее, чем прежде. Но душа ее не пострадала. И Морган был безмерно рад ее видеть.

– Мисс Каррингтон, позвольте представить вам моего брата лорда Тристана Эштона, его суженую мисс Каролину Грэнтем и сестру Каролины леди Присциллу Огден.

Алиса приветствовала их глубоким реверансом.

А они, надо сказать, впечатляли! Тристан, не такой высокий, как герцог, но того же телосложения, с широкими, сильными плечами, был чрезвычайно хорош в своем двубортном кафтане из темно-синего бархата, который очень шел к его глазам цвета голубого сапфира. От него не исходил дух повелительной власти, столь естественно присущий старшему брату, но было видно, что с ним следует считаться. Его невеста, Каролина, небольшого росточка, прехорошенькая – сплошь золотистые кудряшки да розовые щечки, в прелестном наряде: дорожное платье из розового атласа, широкополая соломенная шляпа с отделкой из розовой атласной ленты в тон платью и с вуалеткой из белых кружев, была само воплощение женской элегантности. И Алиса сразу ощутила все безвкусице своей одежды. Затем заметила, как мало сестры схожи меж собой. Леди Огден – в отличие от белокурой сестры темноволосая и не такая обворожительная, как Каролина, но по-своему красивая женщина – была облачена во все черное, траурное.

– Нас не известили, ваша светлость, о предстоящем вашем приезде, – с упреком сказала Алиса. – Если б мы знали, мы бы подготовились к встрече, обеспечив больший комфорт вам и вашим гостям.

– Боюсь, что в этом виновата я, леди Алиса, – заговорила мягким, нежным голосочком Каролина. – Когда Морган рассказал нам о своем дивном свадебном порядке, я убедила Триса ехать смотреть имение немедленно. Мы не очень вам помешали?

И Алиса помедлила с ответом, утратив уверенность. Ведь никакого права раздражаться у нее уже нет, ибо имение принадлежит герцогу. По сути, она-то и создает бестолковую ситуацию.

– Слугам бы хотелось произвести на вас хорошее впечатление, – проговорила она неторопливо и уже менее резким тоном. – Надеюсь, вы не станете судить их слишком строго.

– Ей-богу, нет! – заверила Каролина. – И Морган говорил нам, что слуги здесь очень умелы. Мы пробудем часа два-три, не больше. К вечеру нас ждет у себя герцогиня, в Рэмзгейт-Касле.

«Герцогиня? Жена герцога? – И горечь сожаления волной захлестнула Алису, больно ударила в сердце, оставив в нем глубокую рану разочарования. – Но человеку такого масштаба, как герцог, естественно быть женатым. Интересно, сколько у него детей?» – она украдкой глянула на герцога, но ничего не почерпнула из выражения его лица.

– Быть может, чуть позже вы нас поведете по дому? – спросила отчужденным тоном леди Огден.

Алиса уставилась на нее, лишившись дара речи. «Что бы такое ответить? Как уклониться, не показавшись невежливой? Но разве можно согласиться и потом испытывать унижение,водя чужих людей по дому, который уж не мой?» – думала она, нервно теребя черную ткань своего платья. Она осторожно взглянула на герцога, но лицо его оставалось непроницаемым. Помощи от него не будет.

Все ждали, полагая, что она согласится. Не найдя достойного выхода, Алиса сдалась. С трудом изобразив на лице сияющую улыбку, выдавила:

– С удовольствием повожу вас после чая. Извините, но я должна посмотреть, почему задерживается Перкинз. Когда будете готовы, позвоните в колокольчик.

Алиса сделала поспешный реверанс, всем вообще и никому в частности, и проскользнула в дверь прежде, чем кто-нибудь попробовал бы остановить ее.

Показ всего дома оказался для Алисы не просто неловкостью, но мучением. Обход начали с самого верхнего этажа, посмотрев сначала комнаты в антресолях, предназначенных, как правило, для слуг.

Алиса и не помнила, жил ли здесь когда-нибудь кто-то из слуг, но то, что комнаты пустовали многие годы, было очевидно. Им попадались не прибитые половицы, треснувшие оконные стекла, поломанная мебель и везде хлопья пыли. В углу одной из комнат обнаружили семейку мышей, что ввергло Каролину в легкую истерику. Но когда грызуны бросились врассыпную, она завопила по-настоящему и вцепилась в Тристана так, будто ее сейчас съедят заживо. Тристан счел это весьма забавным и потом получал огромное удовольствие, выслеживая мышей почти в каждой комнате, в которую они заходили.

Леди Огден, явно безучастная к мышам, сделала выговор сестре:

– Каролина, будь добра, прекрати вести себя как дурочка. – Потом пожурела Тристана: – Да и ты не лучше, потворствуешь ей!

– Я только защищаю свою возлюбленную, – простодушно ответил Тристан, ничуть не обидевшись на замечание будущей свояченицы.

– Брось, Трис! – вмешался, ухмыльнувшись, герцог. – Ты просто млеешь от счастья, когда Каролина оказывается в твоих объятиях, вот и находишь очередную мышку! – Морган откровенно подмигнул Каролине, а она в ответ прелестно зарделась и застенчиво улыбнулась.

Когда они наконец спустились на первый этаж, Алиса так устала, что почувствовала приближение головной боли. Помедлив в нерешительности перед дверьми большой гостиной, она мысленно поругала себя за то, что вовремя не разобрала свой «зал сокровищ». Если бы некоторые прекрасные вещи, собранные сейчас в гостиной, были возвращены на их первоначальные места, то дом не показался бы таким убогим и запущенным. Теперь же она просто не могла представить, как поведут себя Каролина и леди Огден, когда увидят содержимое этого зала. Без всякой охоты Алиса широко распахнула двери.

– Боже мой! – воскликнула потрясенная Каролина, и ее голубые глаза стали круглыми.

– Что это значит?! – изумленно вскрикнула леди Огден. И они обе повернулись к Алисе.

Алиса застывшим взором смотрела прямо перед собой, всем видом показывая, что не намерена давать пояснений. «Что им сказать? – раздраженно подумала она. – Что в этом зале я расплачивалась за карточные долги лорда Каррингтона? Разумеется, пока он не застрелился».

– Морган говорил мне, что вы собирались составить для нас опись имущества поместья, – заметил как бы между прочим Тристан и тем прервал неловкое молчание. – Считаю своим долгом похвалить вас за прекрасную работу, леди Алиса.

Алиса озадаченно взглянула на герцога, но тот с не меньшим удивлением смотрел на брата.

– Это – для нас? – не веря своим глазам, с трудом выдохнула Каролина. – Все это?

Все обернулись к герцогу за подтверждением. Кашлянув, он произнес экспромтом:

– Все самое лучшее – моему брату и его очаровательной невесте!

Секунды три-четыре стояла полнейшая тишина, а затем зал взорвался разноголосицей – все вдруг заговорили разом. Взоры Алисы и Тристана встретились, и он ей заговорщически подмигнул. Теплое чувство признательности за проявленную им доброту охватило Алису, и она незаметно улыбнулась ему.

Потом Алиса повела всех в розарий, единственный во всем имении ухоженный цветник. Когда они застряли в лабиринте давно не прорежавшихся зарослей самшита, небо злое еще потемнело. Налетел мощный порыв ветра, и вдруг разверзлись грозовые тучи. Все сломя голову бросились к террасе, прорвались сквозь стеклянные двери и, оказавшись внутри, принялись выжимать одежду. Чтоб порывы ветра с ливнем не распахнули двери, герцог запер их на шпингалеты.

– Боюсь, такая буря скоро не утихнет, и нам придется здесь заночевать.

Алиса рассеянно потерла пальцами виски, так как гул в голове у нее усилился. «А что потом? – подумала она устало. – Что дальше?»

Дождь продолжал лить как из ведра уж третий час подряд, и Алиса вместе с горничными Молли и Люси все это время занималась подготовкой спален для гостей. Каролина мило настаивала на том, что они с сестрой великолепно обойдутся одной спальней на двоих. Алиса решила отдать им свою комнату. Уберет свои личные вещи, постелит им чистое белье, и у них будет вполне пристойная спальня. А себе поставит небольшую кровать в комнате Мейвис.

Герцог разместился в покоях хозяина, как и в первый его приезд. Небольшая уборка, чистые простыни – и комната для него готова. Остается Тристан. Четыре спальни в восточном крыле – одна другой краше: в каждой что-нибудь неладно. В одной камин дымит ужасно; в другой кровати нет; в третьей отличная мебель и даже ковер на полу, но матрас весь в пятнах и обои пахнут плесенью; четвертая – самая пустая, но в ней делали уборку и кровать там очень удобная. Алиса решила четвертую и предоставить Тристану, ведь удобство важнее обстановки. Тристан воспринял это добродушно и беспечно. Она не сомневалась, что он не станет жаловаться на далеко не роскошную спальню.

Когда все комнаты были подготовлены, Алиса попросила Перкинза проводить каждого в соответствующие апартаменты, чтобы переодеться к обеду. Затем она отправилась в расположенную близ кухни пристройку для слуг, чтобы позаботиться о ночлеге герцогских кучера и лакея. Она взяла с собой Люси, а Молли отправила помогать Каролине и леди Огден.

В кухне Алиса обсудила с миссис Стрэттон меню обеда, а затем пошла в комнату Мейвис, чтобы освежиться перед вечерней трапезой. Герцог настоял на ее участии в обеде, и она не смогла отказаться.

Перед дверьми столовой Алиса случайно столкнулась с герцогом. Любезно поприветствовав ее, он умело загладил неловкость, а она лишь взглянула на него, и от одного его вида в вечернем костюме ее сердце забилося быстро и неровно. Они вошли вместе, но Алиса сразу же перестала прислушиваться к высказываниям герцога о погоде: она, разинув рот, воззрилась на Тристана с Каролиной. Они в горячем, страстном объятии замерли перед камином. Тристан

плотно прижал к себе Каролину, а его губы нежно скользили вниз по ее шее, ласково пощипывая. Руки Каролины крепко обвились вокруг плеч Тристана, а сама она застыла на цыпочках, чтобы ее плоть стала более доступной его плоти. Его ладони бережными чашами охватили ее груди и пальцы мягко пожимали упругие выпуклости, но вот его губы нашли ее губы и они слились в самозабвенном поцелуе. Каролина застонала и прижалась к Тристану еще сильнее.

Алису охватило неведомое чувство какой-то истомы. У нее перехватило дыхание, когда она представила себе, что Морган вот так же сжимает ее в объятиях.

Герцог громко кашлянул, Тристан приподнял голову и покосился в сторону звука, но Каролину продолжал тесно прижимать к себе.

– Морган, леди Алиса, вечер добрый! – выпалил он скороговоркой.

– Добрый вечер, Тристан, – произнес Морган небрежно, давая понять, что якобы не видел пылкой сцены, которую они с Алисой только что прервали.

– Вы с Каролиной хотите по стаканчику хереса перед обедом? – Морган подошел к столу атласного дерева, где стояло вино, и принялся наливать в бокалы.

– Херес – именно то, что надо, – сказал Тристан. – И Каролина выпьет немного, – решил он за невесту, которая спрятала лицо, уткнувшись ему в плечо, и старалась успокоиться.

Сначала, смущенная тем, что ее застали в таком положении, Каролина было попробовала отодвинуться от своего суженого, но он не разжал рук и удержал ее. И она ждала, зная, что он ее отпустит, когда будет готов к этому. Но самой-то ей не хотелось отрываться от него. Она любила его с такой страстью, что это иногда ее даже пугало.

– Херес, – Морган поднес бокал к уху Каролины. Она хихикнула и слегка отстранилась от плеча Тристана, открыв лицо.

– Спасибо, Морган, – сказала она, сумев сохранить невозмутимое выражение лица. Морган так же озорно, как это делал Тристан, улыбнулся ей, и она почувствовала, что ее смущение начало таять.

– Думаю, ты произведешь на свет чудное прибавление к нашему семейству, – в глазах его сверкнул веселый огонек. – Мне очень приятно сознавать, что, оказавшись теперь в твоих умелых... м – м-м... руках, наследственная передача нашего родового титула гарантирована. Полон надежд стать любящим дядюшкой уже в следующем году.

От продолжения поддразнивания Каролину спасло появление леди Огден, которая отказалась от вина, и, отлично устроившись в палисандровом креслице у камина, просидела там, пока Перкинз не объявил, что кушать подано. Морган инстинктивно предложил руку леди Огден прежде, чем сообразил, что и Алису кто-то должен проводить к столу. Он обернулся к Алисе, чтобы предложить ей вторую свою руку, но опоздал: она уже выходила из столовой, тихо совещаясь о чем-то с Перкинзом.

При рассаживании возникли некоторые недоразумения. Морган предложил Тристану и Каролине занять традиционные места хозяина и хозяйки на противоположных торцах огромного стола красного дерева, а он при этом сел бы, где ему заблагорассудится. У Тристана оказались иные представления. Он усадил сначала леди Огден и Каролину, затем уютно устроился между ними и, довольный, улыбнулся Моргану. Герцогу ничего не оставалось, как сесть во главе стола, и Алиса быстренько уселась на свободный стул слева от него.

Перкинз и Нед подали черепаховый суп. Каролина все время мило болтала, став центром застольной беседы, и после фрикасе из телятины и морковного пудинга Алиса уже знала, что леди Огден – вдова, что муж ее погиб в начале прошлого года в одном из боев на Пиренейском полуострове, что служил он в одном с Тристаном полку, поэтому Каролина и Тристан познакомились, что Тристан вышел в отставку после тяжелого ранения в том же бою, в котором отдал свою жизнь лорд Огден.

Каролина умело направляла разговор в желанное русло, и в течение того времени, когда подавались ростбиф, жареная баранина, пастернак в сливочном масле и отварной картофель

с мятным соусом, Алиса получила некоторое представление о беспутной жизни лондонского высшего общества. Нескончаемый вихрь балов, вечеринок, посиделок и чаепитий; игорные клубы, бои боксеров-профессионалов, театр и опера, цирк и Воксхолл-Гарденз – эта страна чудес околдовала Алису.

За обедом Алиса почти не говорила, изучая своих сотрапезников. Леди Огден держалась с большим достоинством, герцог тоже, хотя и выглядел веселым и довольным. Оказавшись в центре всеобщего внимания, Каролина блаженно парила в своей стихии, хотя она частенько, как заметила Алиса, поглядывала на Тристана. Он тоже не мог глаз от нее оторвать. «Он любит ее, – поняла потрясенная Алиса. Она воочию видела их страсть, но тем не менее приятно поразила их взаимному чувству. – Брак по любви – большая редкость в высшем свете. Тристан с Каролиной – счастливое исключение».

Потом перешли к сплетням, и стало ясно, что Каролиной и до сих пор очарованы некоторые мужчины. Первым она упомянула джентльмена по имени Джордж Брамэл,⁴ которого называла просто «Франт».

– Какое мне дело до того, что у Франта испортились отношения с регентом! – дерзко проговорила она. – По-моему, Франт совершенно очарователен. Он постоянно стремится к изысканному совершенству, и вы не можете отрицать его подлинно утонченный вкус во всем. Его одежда, дом, мебель, библиотека – все восхитительно.

– Как и его причуды, – отозвался герцог на ее пылкое перечисление достоинств Брамэла. – Говорят, он свое белье стирать отсылает за двадцать миль от Лондона, потому что якобы только там это делают удовлетворительно; обувь он моет шампанским, а перчатки ему шьют три мастера.

– Да, Морган, он оригинал, – вступилась Каролина за Франта.

– Генри Коупа, моя дорогая, тоже считают оригинальным, – засмеявшись, сказал Тристан. – А называют его «лешим», потому что он, как дикарь из леса, весь в зеленом: одежда – зеленая, жилье – зеленое, все вещи у него зеленые, и ест он, говорят, только зеленые овощи и зеленые фрукты.

– Как странно, – вставила Алиса.

– Два придурковатых фата, – недовольно вымолвила леди Огден.

– Честное слово, Присцилла, ты говоришь так о любом мужчине, кроме герцога Веллингтона, – заметила Каролина.

– Артур Уэлсли,⁵ быть может, и не романтик, Каролина, но он гений и самая большая надежда всей нашей страны в деле разгрома корсиканского чудовища и его маршалов, – запальчиво заявила леди Огден.

– А я отдаю предпочтение настоящему романтику, – сказала добродушно Каролина, дотронувшись до руки Тристана. – Такому, как мой дорогой Трис или милый лорд Байрон. Его поэзия – сущая магия!

– А я не знал, Трис, что в такие дни ты пишешь стихи, – манерно растягивая слова, насмешливо проговорил Морган.

– Ты же слышал критическую оценку Каролины, – хохотнул Тристан, – «сущая магия».

– Ах, ты! – Каролина нацелилась в Тристана вилкой. – Я не единственная женщина в Лондоне, кто считает лорда Байрона восхитительным. Говоря, даже одна замужняя дама ведет

⁴ Джордж Брамэл (1778–1840), по прозвищу Франт Брамэл, английский великосветский законодатель мод, прославился щегольскими нарядами.

⁵ Артур Уэлсли (1769–1852) – имя первого герцога (1814) Веллингтона, английского фельдмаршала (1813), командовавшего союзными войсками на Пиренейском полуострове в войнах (1808–1813) против наполеоновской армии и англо-голландской армии при Ватерлоо (1815). В 1827–1852 герцог Веллингтон – главнокомандующий, в 1828–1830 – премьер-министр кабинета тори; в 1834–1835 – министр иностранных дел; в 1841–1846 – министр без портфеля.

себя ужасно неблагоприятно из-за Байрона. Их всюду видят вместе, и с поздних вечеринок она всегда уезжает в его карете.

– Бедный лорд Мелбурн,⁶ – посочувствовала леди Огден. – Как скверно, когда нельзя удержать собственную жену!

– Тот, кто позволяет такой импульсивной женщине, как Каролина Лэм, свободно разъезжать по Лондону, заслуживает позора, который она навлекает на него, – презрительно хмыкнул герцог.

– Но у нее прелестные ножки, – съязвил Тристан. – На той неделе я видел ее на балу у леди Холленд. Она не была приглашена, поэтому явилась в своем излюбленном маскарадном костюме пажа.

– Тристан! – укорила его леди Огден. – Хватит уже о физических особенностях и внешности Каролины Лэм! Сомневаюсь, что это подходящая тема для нашей беседы за обеденным столом, – и она взглянула на герцога, ища у него поддержки.

– Расскажи нам, Трис, о последних новостях из министерства обороны, – мягко попросил Морган.

Тристан согласно кивнул и принялся пересказывать последние военные сводки. Алисе показалось, что это умиротворило леди Огден. Она слушала внимательно и расслабилась. Алиса подумала, что, слушая сводки боевых действий, она как бы становится ближе к своему погибшему мужу.

Джентльмены не задержались ради портвейна, а присоединились к дамам, и все перешли в переднюю гостиную. Тристан убедил леди Огден поиграть на фортепьяно, а сам с Каролиной уютно устроился рядом, на канаве.

Алиса отступила в дальний угол комнаты к мягкому креслу, надеясь посидеть там, не обременяя никого своим присутствием, и, извинившись, уйти сразу, как только почувствует, что это удобно. Едва она села, тут же сбоку от нее материализовался Морган, волочивший за собою палисандровое кресло явно для того, чтобы расположиться в нем рядом с Алисой.

– Вы что-то совсем притихли за обедом, мисс Каррингтон, – сказал герцог.

– Разве?

– Надеюсь, наша болтовня о Лондоне не очень вам надоела.

– Напротив, ваша светлость, – ответила Алиса, – я многое почерпнула из нее. И поняла, как мало я знаю об обществе.

– Теперь желаете узнать больше? И, вероятно, из личного опыта?

Она отрицательно покачала головой.

– Я очень давно усвоила, что бесполезно желать то, что никогда не сбудется, – ответила она без обиняков.

– Неужто удовольствуетесь тем, что проведете всю оставшуюся жизнь в затворничестве, в вашем маленьком коттеджике? Забавно, но я-то думал, что у вас натура посильней, – попробовал спровоцировать ее Морган.

И она не подвела: зеленые очи так полыхнули, что Морган сразу же узрел всплеск затаенной силы духа.

– Никакого «коттеджика» не будет, ваша светлость. Как только все будет улажено, поеду в Корнуолл, – сообщила она ледяным тоном.

– Жить у родных?

– Работать у чужих.

– Работать? Кем? Гувернанткой? Или, того лучше, компаньонкой? – скептически спросил Морган, и невольно перед ним возник образ бабушкиной компаньонки, миссис Глиндон.

⁶ Лорд Мелбурн – Вильям Лэм (1779–1848), второй виконт Мелбурн, английский политик.

– Именно такую работу я теперь и пытаюсь найти, – оживленно отозвалась Алиса. – Поскольку все места управляющих имениями заняты, выбор для меня невелик, – проговорила она с легкостью, к которой герцог остался глух.

Морган, пристально глядя на ее профиль, спросил:

– Отчего столь внезапное изменение планов?

Алиса резко обернулась к нему в полной готовности сказать, чтоб занимался бы своими делами, но его вопрошающий взгляд сдержал ее. «Да разве важно, если он узнает?» – подумала она устало. Не совсем понимая, с чего бы герцогу хоть отдаленно интересоваться этим, все же объяснила спокойным тоном:

– К изменению моих планов меня вынудили дополнительные расходы, связанные с имущественными делами лорда Каррингтона.

– А что же новый виконт Малгрэйв? Или другие ваши родственники?

– Других родственников у меня нет. Новым виконтом стал брат лорда Каррингтона, но он в Америке, – ответила она. – И его не могут найти. Посему вся ответственность и свалилась на меня.

– Как всегда, – напомнил герцог, и в глазах его отразилось глубокое сочувствие.

Заметив это, Алиса отнюдь не растрогалась. Ее гордость была задета, она не желала быть в глазах герцога персоной, постоянно вызывающей сочувствие.

– Я справлюсь, ваша светлость, – упрямо проговорила она и вздернула подбородок. – Я всегда справлялась. В конечном счете я сумею добиться устойчивого положения. Но пока меня прежде всего волнует моя бывшая няня Мейвис.

– А что с ней?

– С ней-то самой ничего. Ваш брат намекнул, что хотел бы оставить слуг работать здесь, но Мейвис слишком стара начинать все заново. А лорд Каррингтон ведь никому из слуг не оставил никакого обеспечения, и у меня теперь ничего не осталось, – и, тихо вздохнув, Алиса отвернулась.

– Я назначу ей пенсию.

– За что? Мейвис не имеет к вам никакого отношения, – она посмотрела ему в лицо, пытаясь определить, насколько он искренен.

– Я обеспечу ей, – подтвердил Морган. – Или вы против?

– Совсем наоборот. Буду весьма обязана вам, сэр. Благодарю вас.

– Могу еще чем-нибудь помочь сам, мисс Каррингтон? – заторопился Морган.

Алиса заглянула в его гипнотизирующие серые глаза и засмотрелась, зачарованная сиянием внезапно вспыхнувшего света в глубине. Сильная, почти первобытная потребность молить его о покровительстве всколыхнула всю ее кровь, но она подавила ее. В отчаянном усилии Алиса поборола смятение чувств, сохранив самообладание, и смогла ответить спокойным голосом:

– Нет, спасибо, ваша светлость. Вы и так уже делаете больше, чем приличия позволяют мне принимать. Однако, пожалуйста, извините меня, но я безмерно устала. Желаю вам доброй ночи.

Алиса быстро встала, пожелала всем доброй ночи и вышла. Морган щедро налил себе бренди, перешел поближе к фортепьяно и застыл в кресле, уставившись окаменело на дверь, за которой пропала она.

Глава 5

Морган проснулся от резкого удара грома прямо за окном его спальни. Заранее он не задвинул штор, и луна свободно разбросала мрачные тени по ковру на полу. Пошарив в полутьме, он нащупал огниво и зажег свечу на столике у кровати. Поежился. В комнате стало прохладно. Камин потух.

Усевшись в постели, Морган послушал, как завывает ветер и хлещет дождь. Задрал голову, повел взглядом по потолку и понял, что нечему удивляться, если на лицо упадут дождевые капли.

«С чего бы и крыше не течь? Дом почти весь обветшал. Хорошо, что Тристан богат. – Морган улыбнулся. – Ведь ему обойдется в целое состояние, и не малое, – отремонтировать и подновить сей мавзолей».

Привалившись спиной к мягким подушкам, Морган задумался об Алисе. Понял, что она умудрялась удерживать на должном уровне продуктивность хозяйства, лишь отказывая себе лично во многих благах и удобствах. Усомнился, что в ее гардеробе есть хоть одно приличное платье, и признал, что тем не менее держится она всегда грациозно и с достоинством. И осознал, что никогда не постигнет, как ей удалось столь долго сносить такой образ жизни.

И вновь вернулась та тревожная страсть, что возникала каждый раз, когда он думал об Алисе. Поняв, что так просто снова не заснет, прикинул в уме, чем можно поправить дело. Принести из библиотеки снизу какую-нибудь скучную книгу – наверняка сразу усыпит. Или бокал бренди, быть может, сработает даже лучше.

Надев на голое тело парчовый халат, который на кресле ему оставил Перкинз, и взяв со столика свечу, герцог, босой, бесшумно покинул комнату и прошел по коридору к лестнице.

Дойдя до большого холла, он остановился, чтобы сориентироваться. Вспомнил, что после обеда они с Тристаном почали, но не прикончили, большой графин бренди в передней гостиной, и направился туда.

Держа высоко перед собою свечу и разгоняя мрак входного холла, Морган почти подошел к гостиной, но вдруг странный звук заставил его замереть на месте.

Что это – ветер? Похоже, плач. Нет, скорее – скулеж какой-то? Склонив голову набок, он внимательно прислушался. Затем медленно побрел на звук. Дойдя до самого конца холла, увидел полоску света из-за неплотно прикрытой двери библиотеки. Опять услышал непривычный звук. Но не плач, а пение. Кто-то пел. Громко и нескладно. Морган тихо отворил дверь и вошел.

Ревущее в камине пламя заливало мягким светом всю комнату, в ней было тепло и уютно. Прямо перед огромным этим камином, в кресле с высокой спинкой и подголовником развалилась Алиса, свесив ноги через подлокотник. Одна рука, с полупустым бокалом бренди, была закинута на спинку кресла, а другая свисала почти до ковра на полу. Чтобы не испугать ее, Морган проговорил тихо:

– Мисс Каррингтон?

Лицо ее вздернулось и расплылось в кривой ухмылке.

– Ваша светлость! Какой приятный сюрприз! Входите, пожалуйста!

Она предприняла попытку выбраться из кресла и добилась своего с третьей попытки.

– Что это вы проснулись ни свет ни заря? – спросила она, с трудом вставая на ноги, и Морган заметил, что на ней лишь ночная рубашка.

Она повернулась и прошла перед камином, и он затаил дыхание. Сияние пламени пронизало тонкую батистовую рубашку и явило Алису во всей наготе. И он удивился, что считал ее худой. Тело ее оказалось тугой плотью в чувственных изгибах – длинные ноги, крутые бедра, тонкая талия, ладные ягодички и пышные, налитые груди. Впервые по-настоящему открылись взору и ее волосы – длинные, густые, насыщенного цвета чистой меди. Пред Морганом пред-

стала совсем иная Алиса – раскрепощенная, безудержная и прекрасная. И от этого, совершенно невообразимого, ее преобразования кровь бросилась ему в голову.

В блаженном неведении, что ее разглядывают, Алиса, высматривая графин с бренди и чистый бокал на пембруковском столике, рассеянно запустила руку в растрепавшиеся волосы и взъерошила их.

– Ага, вот, угощайтесь, ваша светлость, – она передала Моргану бокал с бренди и снова села в кресло. – А поесть чего-нибудь хотите?

– Что? Поесть? Нет, спасибо.

– Точно? А взгляд у вас голодный, – она отхлебнула из своего бокала и поморщилась от крепкого напитка. – А вы мне так и не сказали, что привело вас сюда среди ночи.

– Гроза разбудила меня. Вот я и решил, что стаканчик бренди поможет мне уснуть опять. Спустился, услышал какие-то звуки и зашел узнать в чем дело.

– Ха! – громко хихикнула Алиса, – это я пела. Наверное, напугала вас? Лорд Каррингтон всегда говорил, что я вою, как кот, когда его тянут за хвост.

– А почему вы оказались здесь в такое время, мисс Каррингтон?

– Зашла навестить моего доблестного пращура, – сказала она совершенно серьезно и подняла бокал, приветствуя безмолвным тостом щеголеватого мужчину в элегантном наряде елизаветинской эпохи, портрет которого висел над камином. – Мой замечательный предок, сэр Томас Каррингтон. Капитан и приватир, но, по-моему, больше пират. Судя по его виду, – она обернулась к Моргану как бы за подтверждением, но, не дав ему возможности ответить, продолжала: – Из рук самой королевы Елизаветы он получил дворянский титул «за особые заслуги перед короной». Одному Богу известно, что за этим кроется, – и, улыбнувшись во весь рост, она подмигнула Моргану.

– Боже мой, девушка, вы перебрали!

– А я говорю – ничуть! – ощетижилась она. – Я выпила только вот это, – и предъявила свой уже почти пустой бокал.

– Вполне достаточно, чтобы сыграть с вами недобрую шутку, поскольку вы не привыкли к крепким напиткам.

– Я преклоняюсь перед вашей компетенцией в этом деле, ваша светлость, но тем не менее смею настаивать на том, что не пьяна.

Морган сделал глоток бренди и внимательно посмотрел на нее.

– Из-за чего же вы так расстроились, что стали искать утешения наедине с бутылкой?

– По-вашему, мало того, что я уже без средств, еще без работы и вот-вот лишусь крыши над головой? – и она опять хохотнула, но как-то гулко, будто звук вырвался из пустой бочки.

– Да, положение трудное. И именно в этом причина?

– Не совсем, – призналась она. – Этим вечером я вновь обнаружила в себе давно забытые пагубные чувства.

– Какие же?

Она смущенно заерзала в кресле.

– Я с детства не испытывала такой сильной ревности. И зависти. Не нравится мне это.

– Зависти? К кому?

– К Каролине, – тихо прошептала она.

– Вам не в чем завидовать ей. Вы во всем милы, как Каролина, и даже более.

– С чего вы предположили, что я хочу походить на Каролину? – спросила она озадаченно.

– Я разве ошибаюсь?

– Да. Не виду Каролины я завидую, а ее отношениям с Тристаном.

– Вам нужен Тристан?! – рявкнул Морган, взревновал сам.

Алиса отрицательно повела головой:

– Я не это имела в виду. Тристан, конечно, очаровательный мужчина, но его сердце явно занято. А мне бы хотелось, чтобы кто-то... кто-то смотрел на меня так, как Тристан на Каролину.

– А как это Тристан смотрит на Каролину?

– С восторгом... и радостью... и восхищением, даже когда она говорит глупости, – шептала Алиса все тише и тише, и Морган наклонился к ней, чтобы расслышать. – Он смотрит на нее... с любовью.

– С любовью? – переспросил Морган, не уверенный, что верно расслышал. – С вождением, хотите вы сказать?

Алиса затрясла головой:

– О, нет! Когда перед обедом мы им помешали, я тоже было приняла это за вождение, но это – большее. Потом я заметила, какие задушевные взгляды он бросает на нее. И за обедом, и когда леди Огден играла на фортепьяно, Тристан влюблен в Каролину.

Она говорила столь уверенно, что и Моргана убедила. Раньше он об этом не очень-то задумывался, но теперь счел, что это возможно. Но как циник усомнился, что это надолго.

– Вы как будто удивлены? А сами-то, ваша светлость, разве не любите свою жену? – спросила Алиса негромко.

– Что? Что вы сказали?

– Я спросила, любите ли вы свою жену, – повторила Алиса, действительно очень желая узнать.

– Моя жена умерла, – произнес Морган ровным голосом.

Вопрос заставил его вспомнить Валери. Какое-то время он верил, что сможет полюбить Валери. А она постоянно уверяла, что любит его без ума, по крайней мере, так говорила в начале их супружества. Нет, он никогда не любил по-настоящему свою жену. И вспоминались ему теперь лишь их обоюдные страдания.

– Я очень сожалею. Я не знала. Каролина говорила, что герцогиня ждет всех вас в Рэмзгейт-Касле, и я подумала, что она имеет в виду вашу жену. – Алиса, дотянувшись, бережно коснулась пальцами его руки. – Я не хотела причинить вам боль.

Морган посмотрел в ее ясные зеленые глаза и увидел в них сочувствие. «Она не пьяна, – заключил Морган, – немного заторможена, но в полном рассудке». Он поднял руку и нежно погладил Алису по щеке. С благодарностью восприняла она его прикосновение – закрыла глаза и прижалась лицом к его ладони. Ощущение было чудным.

– Ужели любовь – такая редкость? Я надеялась понять это получше, – сказала она и рукой прижала его руку к своему лицу.

Морган безмолвно смотрел на нее, не отрываясь. От желания у него сдавило горло, и он внезапно ощутил такую страсть, что любой нормальный человек на его месте потерял бы рассудок.

Судьба, бывавшая к нему не раз жестокой, вдруг улыбнулась ему. Это странное, случайное соприкосновение с откровенно любопытствующей Алисой предоставляло возможность вступить в физические отношения с женщиной, восхищавшей его. Он будет глупцом, если не воспользуется столь исключительной возможностью. Немыслимо противостоять такому искушению.

– Алиса, откройте глаза, – наконец пробормотал он осипшим голосом.

Она повиновалась. В молчании они взирали друг на друга, словно их души родственны и зачарованны чувствами, неведомыми им обоим. Морган порывисто притянул к себе Алису и крепко и властно прижался губами к ее мягким устам в неистовом поцелуе. Она инстинктивно откликнулась на его страсть, приоткрыв уста, позволив целовать ее проникновенней. Отзыв ее губ сотряс его мощным импульсом дрожи, и Морган, рывком подняв ее из кресла, посадил к себе на колени. Она обхватила его плечи и тесно прижалась. Его язык пылливо проникал глу-

боко в ее рот и выскальзывал, блаженно дурманя и бросая в трепет непредсказуемого наслаждения.

Губы его принялись блуждать по ее лицу, нежно касаясь щек, мягко лаская мочки ушей. Зарываясь лицом в ее волосы, Морган вдохнул их сладкий, свежий аромат. И Алиса ощутила яростный стук его сердца возле своей груди и твердость его нарастающего желания у ее бедра. Это было новое и будоражащее ощущение. И тело ее, и вся ее плоть как-то странно ожили.

– О, услада! – забормотал он пылко. – Какой в тебе огонь! Я уж и не мечтал об этом!

Сквозь наваждение страсти, как сквозь марево, до нее дошли его слова. Она отклонилась, тяжело и шумно дыша, и собрала все силы, чтобы успокоить расхоловшееся сердце.

– Неужто и вправду во мне огонь? – прошептала она, поразившись.

И это изумление, прозвучавшее так кротко, чуть не довело его до критической точки. Морган бросил пылкий взгляд на нее, на лице его вспыхнуло желание, а тело, как тетива, напряглось под действием уже почти неуправляемой страсти.

– О, Боже, да! – пробормотал он, притягивая ее вплотную к своей широкой груди.

Горячими, голодными губами он поцеловал ее с такой настойчивостью, что она застонала в экстазе.

И ощутила она уста его как благо, и приняла их право. Прикосновения его языка разослали по всей ее плоти клубящееся, влажное чувственное волнение, достигшее глубин ее чрева. И ту же обвилились руки Алисы вокруг его шеи, пылко поощряя его и дальше посылать такие волны.

– Дорогая, – услышала она его бормотание и ощутила, как прерывисто и горячо он дышит ей в шею. Она пыталась ответить, но не смогла ничего выговорить, будучи вне себя от неумемной потребности целовать, ласкать и чувствовать его.

Он поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза:

– Я хочу тебя.

Ее зеленые глаза потемнели от взрыва чувств, будто сорвавшихся с цепи от его слов. «Господи, – подумала она, – он хочет меня! Он желает меня; я нужна ему, нет, он жаждет меня! Меня! Такой красивый, дивный, блистательный мужчина, что может обладать любой женщиной, которую пожелает, хочет меня».

Какое пьянящее блаженство быть предметом страсти Моргана! Но ее влекло не только желание. Какая-то связь, невидимые узы возникли меж ними. Это и пугало, и завораживало ее.

Совершенно ошеломленная, не в силах вымолвить ни слова, Алиса просто еще теснее прижалась к нему и спряталась, уткнувшись лицом ему в шею. И рука Моргана стала опускаться по ее спине все ниже и ниже и заблуждала по ягодицам.

– Можно овладеть тобою, любимая? – зашептал он гипнотически ей в ухо. – Ляжем на ковре прямо здесь, у камина? – и он осторожно протиснул руку под ее рубашку.

Оголившимися ногами она ощутила тепло от потрескивающего очага, а пальцы Моргана медленно, очень медленно, поползли вверх по нагой плоти ее бедра. Его ладонь мягко закралась ей между ног, и он впился ей в губы в почти неудержимом стремлении. Она сладострастно раскинулась у него на коленях, предлагая себя, и выгнулась дугой, когда его рука ритмично заходила вперед-назад, поглаживая у нее меж ног.

«Что это он делает со мной?» – в панике подумала Алиса, ощутив теплую влагу на его руке и поняв, что это – из нее.

Морган прервал поцелуй и взглянул на ее смятенное лицо. Она шумно дышала, закусив нижнюю губу, глаза ее были полузакрыты. «Великолепна, – подумал он. – Такая жаркая, такая мягкая, такая податливая». Ее пылкая отзывчивость затронула сокровенные струны его души. В приливе нежности он еще крепче ее стиснул.

Алисе было тепло и надежно в кольце сильных рук Моргана. И она прильнула к нему всем телом, сжав его шею еще сильнее. Она ощутила пульсирующую твердость его мужского

естества, упершегося в мягкую плоть ее лона, и вздрогнула. Озадаченная, она опустила руку и дотронулась. Пробежав пальцами по его туго натянувшемуся халату, ощупала сверху вниз жесткое вздутие. Морган резко втянул в себя воздух. Отдернув руку, Алиса застыла.

– Я тебя обидела? – спросила она обеспокоено.

Морган издал резкий смешок, прозвучавший как стон:

– Если ты еще раз так меня обидишь, любимая, то я опозорюсь.

Она улыбнулась, не поняв.

– Научи меня, – воззвала она, удивив и его, и себя этой просьбой.

Он взглянул на ее невинное, доверчивое лицо, и его сердце сжалось. Он жадно хотел ее, но колебался. Несмотря на ее чувственную готовность, Морган был уверен, что Алиса – девственница. И вполне понимал, что она вряд ли представляет себе то, о чем просит.

Он не был, вопреки его репутации среди женщин, совратителем девственниц. Мягко высвободившись из ее объятий, Морган сжал ее ладошки в своих больших руках и проникновенно заглянул ей в глаза:

– А знаешь ли ты, чего просишь? Она кивнула.

– Алиса, мы будем вместе только одну эту ночь, но я постараюсь, чтобы она показалась волшебной нам обоим. Понимаешь?

Она опять кивнула, не полагаясь на голос.

– Ты пойдешь со мной наверх, Алиса? Ко мне в постель? – произнес он торжественным тоном.

Она взглянула на прекрасное лицо, и чувства стеснили ей горло. «Не надо! – прозвучал ее внутренний голос. – И думать не смей над этим непристойным предложением». Оно шло вразрез со всеми усвоенными ею моральными принципами, но ей было все равно.

– Да., да, я пойду с тобой, – произнесла она еле слышно, но Морган заметил, какой решительностью сверкнули ее глаза.

– Ну, пошли, – выдохнул Морган, невольно сдерживавший дыхание.

Они одновременно встали из кресла. Зажав в одной руке почти догоревшую свечу, а в другой – руку Алисы, Морган повлек ее из библиотеки.

Поднимаясь по лестнице, Алиса клонилась к нему, прижимаясь головой к плечу. Перед дверью его спальни она слегка замешкалась, но он держал ее ладонь железной хваткой. И втянув ее внутрь, захлопнул дверь.

Отпустил Алису, поставил свечу на ночной столик и склонился к потухшему камину.

– Холодно, – пробормотал он, потирая руки, и подложил дров.

«Дает мне время одуматься», – поняла Алиса, но не двинулась с места, словно приросла. «Уходи! – возопил внутренний голос. – Быстро!» Но она и шевельнуться не могла. «Единственная ночь, – зазвучал уже второй внутренний голос. – Наконец-то тебе предоставляется возможность познать любовь, настоящую жизнь. Так ли уж дурно всего лишь ночь делить страсть с таким мужчиной? Воспоминание о ней потом будет согревать тебя холодными и одинокими ночами». Алиса, будто оказавшись вне собственной плоти, присматривалась к ней, наблюдала, не принимая никакого участия во внутреннем споре. Чтобы заставить умолкнуть эти голоса, она закрыла глаза и вздрогнула от неожиданности, когда Морган привлек ее к себе.

– Никакого раскаяния? – спросил он, как бы давая ей последнюю возможность.

Она было открыла рот, чтобы ответить, но вместо этого подставила губы для поцелуя, прильнув к нему всем телом. Он ринулся к ее устам, как умирающий от жажды – к роднику, и язык его стал напористо рваться внутрь. Умело расстегнув пуговицы спереди ее рубашки, он положил горячую ладонь на голую грудь и, мягко и нежно пожимая, принялся водить легкими пальцами из стороны в сторону по набухающей округлости. Соски затвердели, и по телу Алисы пробежала дрожь. Она почувствовала, как увлажнилось у нее меж бедрами, как набрякли груди и соски взвились навстречу его взыскующим рукам.

Морган спустил рубашку с плеч Алисы, и она упала к ее ногам. Частыми, сладостными поцелуями он покрыл ее шею и зашептал что-то на ухо, и губы его двинулись вслед за руками по шелковистой ее коже вниз, к груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.